

Георгий Георгиевич Батура

**Мистерии
янтарного края**

Георгий Георгиевич Батура

Мистерии янтарного края

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070011

SelfPub; 2023

Аннотация

Что такое женщина и мужчина и для чего они пришли в этот мир? Рожать детей или для чего-то иного? В чем их принципиальное внутреннее отличие? Как ответить на эти вопросы, если рассуждать обо всем этом не с точки зрения сегодняшнего демократического государства, а того глубинного знания, которое накопило человечество в течение тысячелетий? Для чего мужчине и женщине дан любовь, и какая бывает любовь, если ее "разложить по полочкам"? Ведь в нашем русском языке понятие любовь необозримо широкое по своему использованию. Какова роль любви в осуществлении предназначения человека на земле? И в чем заключается это предназначение? Существует ли принципиальное отличие между русскоязычными и англоязычными, и почему мы не всегда понимаем друг друга? Связана ли духовность с языком? И вообще, существует ли духовность в действительности или ее придумали не совсем адекватные люди? Рассматривая древние тексты с несколько иной точки зрения можно ответить на все эти вопросы.

Содержание

Предисловие	5
Что-то из жизни автора	7
Агапы новой России	16
О любви и ее терминологии	23
Мистерии (начало)	44
Мистерии (продолжение I)	73
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Георгий Батура

Мистерии янтарного края

Моей Алёне в годовщину 55-летия свадьбы

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, —
Трубите в трубы.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

С.Есенин 1917

Предисловие

Мне хочется верить, что есть на земле люди, такие как я. Но они никогда не поймут, что с ними происходит, потому что на это надо положить всю свою жизнь. И даже если приложат все свои усилия, для них вряд ли так благоприятно сойдутся обстоятельства жизни, как у меня.

Для всех других – это развлечение. Услышать об этом – это посмотреть в музее на диковинную восковую фигуру и воочию убедиться, что у нее «во лбу звезда горит», и тоже два уха, и не растет хвост. Эти другие заняты делами. Они, как дети, иногда мечтают о том, чтобы добро победило зло или рассуждают о каком-то Царстве Небесном, о котором не имеют никакого представления. И все подобные разговоры для них – это минутное отвлечение от настоящей жизни, которая их всецело поглощает. Так есть и так было тысячелетия. И когда кто-то из них добирается до хорошей «кормушки», сразу же забывает о «добре» и о «Царстве», и начинает жить полной жизнью.

Эта книга для человека, который *не от мира сего*. Это – человек-невидимка, и все окружающие люди уверены в том, что он не существует, и что все вокруг такие же, как они. Если ориентироваться на тех, для кого я пишу, достаточно издать два экземпляра этой книги и положить их на Северном и Южном полушарии Земли. И пусть они ждут своего

читателя.

Я прекрасно понимаю, что таким предисловием будоражу умы тех, кто принадлежит ко всем, и на мед этих слов слетятся осы, но не пчелы. И вдруг окажется, что мои записи где-то востребованы, и книгу станут читать. Но кто из моих читателей не прелюбодей?

Что-то из жизни автора

В этой книге я буду говорить о *стандартных мистериях* в различных религиях, и о том, что они означают для получившего их человека. И вообще, что это такое, *мистерия*? Ведь сегодня уже никто не может дать ответ на этот вопрос. Хотя евангельский Иисус говорил когда-то своим апостолам, что им «дано познать *мистирию* Царства». Как понимать эти его слова? Или, может быть, он это не говорил?.. Но еще задолго до него, а также прямо во время его проповеди в древнегреческом мире существовали *Элевсинские мистерии*. А значит... *мистерии* все-таки существовали.

Это не будет книга, подобная многим другим, которые описывают условия зарождения, развития и утверждения канона традиционных религий человечества. Я хочу взглянуть на эти проблемы исключительно с точки зрения своего *особого личного опыта*, который, как мне казалось первоначально, не имеет никакого отношения к религии, потому что начало этой истории восходит к временам СССР, и никакого интереса к религии я в то время не испытывал.

Во всем остальном, кроме этого *непонятного опыта*, мои жизненные обстоятельства ничем не отличались от таковых для большинства граждан Советского Союза. Школа, Калининградский Технический Институт Рыбной Промышленности (КТИ), женитьба на девушке, с которой познакомил-

ся в студенческом строительном отряде; работа по распределению молодым специалистом в конструкторской организации города Калининграда, рождение сына, получение бесплатной квартиры от государства, периодические длительные командировки на научно-исследовательских судах в составе научной группы и бесплатные шесть соток земли для огорода (а сейчас уже двенадцать).

И, наконец, вожденный автомобиль «Запорожец», полученный по очереди на предприятии, – для того, чтобы беспрепятственно добираться до своего садового участка, который расположен на расстоянии шестнадцати километров от города. И так – до самой пенсии. Но и после этого рубежа – уже другая работа, суточное дежурство, так как постперестроечная российская пенсия это жалкое нищенское существование. После этого гораздо больше внимания и времени уделялось вопросам исследования *непонятного опыта*. И так – вплоть до настоящего времени, когда я продолжаю трудиться в свои 76 лет.

Следует особо отметить, безо всякой ложной скромности, что на какой бы работе автор ни побывал за время своей долгой жизни – вплоть до призыва на военные сборы, – его всегда старались там оставить. И за профессиональные качества, и за ответственное отношение к своему делу, и за покладистый характер, и во многом по той причине, что его присутствие в коллективе всегда этот коллектив как-то сплачивало: сглаживались острые углы отдельных его предста-

вителей, и воцарялась атмосфера дружелюбия и оптимизма. Это особенно проявилось во время морских командировок, когда рейсы продолжались по шесть месяцев без захода в родной порт, когда психика претерпевала изменения, и человек становился неуравновешенным.

Для чего я все это так подробно и откровенно описываю? С единственной целью: чтобы мой виртуальный читатель понимал, что автор не является (и никогда им не был) пациентом психоневрологического диспансера. Потому что тот *особый опыт*, о котором я говорю, и который буду описывать в этой книге, был далеко не совсем обычным для здорового сознания.

Для врача психиатра скажу, что ни разу в жизни не слышал каких-то «внутренних голосов». Никогда в моей жизни не было «психических срывов» или эпилептических припадков, как у прекрасного Эхнатона. Я никогда не принимал какие-либо «успокоительные» таблетки. Во мне до настоящего времени не произошла «деградация личности», и я до сих пор, как и прежде, с интересом общаюсь с людьми.

Для того чтобы разгадать, что же все-таки со мной происходило, и как это должно было повлиять на всю мою дальнейшую жизнь и судьбу, мне пришлось в какой-то степени отвлечься от вопросов карьерного роста и обратить пристальное внимание на эти непонятные обстоятельства.

Уже в ранний период такой новой жизни для меня стало ясно, что ответ на вопросы следует искать не в медицинских

справочниках, а в той области человеческого знания, которое у эллинов называлось словом «мистерия». Читатель, наверное, помнит название «Элевсинские мистерии», если ему приходилось знакомиться с миром Древней Греции.

Всё это каким-то чудесным образом совпало со временем горбачевской перестройки. Почему чудесным? По той причине, что в стране появился интернет, причем, безбрежно свободный, безо всяких авторских прав и ограничений. Из сети можно было черпать любую интересующую тебя информацию. Ведь до этого в СССР под запретом была даже Библия. Того моряка, у которого ее находили (в иностранном порту миссионеры предлагали нашим морякам миниатюрное издание Библии на русском в качестве подарка), могли списать с судна и закрыть визу, если это было в рейсе. А тут – все что угодно по интересующим тебя вопросам.

Здесь же упомяну, что впервые познакомился с текстом *Евангелия* на Украине, у моего деда по отцу, Максима Демьяновича. Это произошло еще во времена СССР, когда отдыхал в Белой Церкви летом. К тому времени эта старенькая дореволюционная книжка лежала в одноэтажном соломенном украинском домике, что на Заречье, на маленьком подоконнике безо всякой надобности. Мне было интересно ее читать. Сейчас она у меня. В то время я даже хорошенько не осознавал, чем отличается церковнославянский текст от того синодального перевода с «ятями», который читал у деда.

«Ты, Жора, как наш бывший ксендз», – говорил с уваже-

нием мне дед, когда я отвечал на его вопросы и объяснял ему смысл и содержание евангельского текста. В то далекое время мне самому казалось, что я этот текст хорошо понимаю. Ведь до этого я уже успел успешно проштудировать *Бхагавад Гиту*, которую считал гораздо более мудрой и духовной, чем этот «простенький» нравоучительный христианский текст. Судьба послала мне необыкновенно мудрого и прекрасного деда.

В мае 2002 года я стал брать уроки древнегреческого языка у одного из старейших и лучших преподавателей Калининградского высшего учебного заведения, переименованного впоследствии в БФУ им. Канта, – у Виталия Алексеевича Сычинского. И это только для того, чтобы читать *Евангелие* в подлиннике. Потому что не находил ответ на свои вопросы ни в тексте синодального перевода Библии, ни в церковнославянском переводе (как бы прекрасен он ни был), ни в англоязычных вариантах *Нового Завета*, ни даже в католическом переводе Священного Писания на польский язык, который я немного знал, так как в молодости любил смотреть польское телевидение.

Позднее у меня появилась активная переписка с отечественным коптологом, который опубликовал в сети новый перевод *Евангелия от Фомы* из библиотеки Наг-Хаммади, а затем – переписка с известным египтологом из Новосибирска, М.В.Пановым. Все мои изыскания были направлены исключительно на то, чтобы постараться читать исходные ре-

лигиозные тексты – те, в которых можно было что-то почерпнуть о *мистериях*, – в подлиннике или хотя бы понимать главную духовную терминологию текста, который был интересен в конкретный период времени. С этим принципом я подходил к вопросу изучения текстов *Бхагавад Гиты* (уже по-новому) и классических *Упанишад* Индии, *Дао Дэ цзин* и *Лунь юя* Китая, *Авесты* зороастрийцев, *Торы* иудеев, египетской «Книги мертвых» и других. Понятно, что все эти исследования не были подобны академическому штудированию наук в университете. При этом все то, что невозможно было прочесть на языке русском (если не существовало перевода на русский), я читал на английском, который тоже немного знал.

Все эти мои занятия нельзя было назвать тотальным изучением древних текстов «по списку». Конечно, нет. Всё это исследовалось не для отчета, а исключительно для себя. Ни о ком другом, кроме *себя самого*, я тогда не думал. В то далекое время у меня даже мысли не было, что я когда-то все это стану описывать для постороннего человека. Более того, верит читатель тому или нет, но эта книга родилась совершенно неожиданно для меня самого: взял почему-то автоматический карандаш и писчую бумагу и стал припоминать свою краткую «биографию». Костяк книги написал за каких-то пару месяцев, нисколько себя не утруждая. Как будто свою далекую жизнь вспомнил...

Итак, когда исчерпывался интерес к очередному тексту

или религии и в голове складывалось определенное мнение по какому-то древнему направлению, всегда приходили не зависящие от меня обстоятельства, которые поневоле обращали внимание на другой текст, уже совсем иного учения или религии. Это явление неоднократно отмечал мой школьный товарищ, который регулярно приезжал в отпуск к своим родителям из Риги. Подходил к книжным полкам и с недоверием ворчал: «Послушай, у тебя каждый раз совершенно другие книги!». Он не понимал этих моих исканий, проявляющихся в резкой смене «увлечений» и полагал, что всё это наносное.

Так было у меня, например, с древнекитайским направлением, которым я до этого никогда не интересовался и не считал подобное занятие заслуживающим внимания. Какие-то иероглифы, не имеющие к моим поискам никакого отношения! Однажды, как обычно, я спустился в магазин «Книги и книжечки», что располагался на центральной площади Калининграда, и увидел на полке тоненькую книжку небольшого формата, прекрасно изданную нашим «Янтарным сказом»: в твердой обложке, на глянцевой бумаге и с прекрасными репродукциями. Это был *Дао Дэ цзин* в советском переводе Ян Хин шуна. Любой интеллигент того времени трепетно относился к книге (такого увлечения книгой, самой по себе, в стране давно уже нет), и тем более прекрасно изданной. И конечно, я ее купил. И как это было всегда, полностью забыл все свои прошлые изыскания и с головой погрузился

в мир Древнего Китая.

И опять, наверное, везение: как раз именно в это время в продаже стало появляться много переводов и других книг прекрасных китаеведов советской школы, которые наперебой издавали исследования по *Дао Дэ цзину*, и *Лунь юю*. В то время я купил в интернет-магазине замечательный «Большой китайско-русский словарь» под редакцией профессора И.М.Ошанина (четыре увесистых тома!), приобрёл все эти тексты на древнекитайском и занялся их пристальным изучением.

Читатель пусть не удивляется подобной мнимой эрудиции автора: древнекитайский текст это, в первую очередь, рисунчатый рассказ, – это сами иероглифы, их древний смысловой рисунок. В тексте они следуют один за другим, как картинки комиксов или кадры кино, а грамматика почти отсутствует. Это не иероглифы Древнего Египта, которые являются составной частью сложного в грамматическом отношении языка, изменяющегося на протяжении тысячелетий.

И должен сказать, что именно Конфуций, а не Лао цзы, меня очень многому научил. Он объяснил мне то, что происходило во мне самом, и чего я до этого времени не понимал, и о чем невозможно прочесть ни в какой другой книге. Но не тот Конфуций, который известен всему миру по стандартным переводам *Лунь юя*, а подлинный проповедник учения о *мин синь* («просветление сердца»), который заново открыл для себя и для всего Китая древнее духовное учение

аристократов династий *Шан* и Раннего *Чжоу*. К сожалению, Китай этого открытия не понял, — в то время его занимали уже совершенно другие вопросы.

При этом все те откровения или *мистерии*, которые получал автор настоящей книги, являлись его сугубой тайной даже для домашних. Да и какая это тайна? Ведь если говорить объективно, это никому не было интересно, да и незачем было знать. И как об этом говорить? Какими словами? Кого интересуют какие-то потусторонние «видения», необычные сны или состояния у другого человека, если этот человек продолжает функционировать в семье и обществе без каких-либо изменений? Все это не имело никакого отношения к текущей жизни. Домашние обратили внимание только на то, что автор стал писать какие-то «книги» на евангельские и другие темы. Благо, что в то время нашелся заинтересованный товарищ на работе (ныне покойный), который по собственной инициативе занялся публикацией этих книг в библиотеках Сети. Но если помнит читатель, в то время очень многие принялись публиковать в интернете свои «откровения». И где они сейчас? Так что особого удивления это ни у кого не вызывало.

Агапы новой России

«Пей воду из своего источника»

Ну и теперь настало время сообщить читателю о тех «мистериях», которые получал автор в продолжение всей своей жизни и которые являются базой или основанием для всех последующих выводов в этой книге. Читатель должен при этом понимать, что книга вовсе не для того написана, чтобы подробно разбирать эти «мистерии»: их перечисление дается только в качестве преамбулы к главной теме. Главная же тема заключается в том, чтобы показать читателю, что традиционное понимание всех религий не является верным, потому что не связывает их в единый процесс развития внутреннего мира человека. Подобное раздельное понимание религий было вполне объяснимым в прошлом, когда народы жили автономно друг от друга, но такое традиционное восприятие лишало религии настоящей базы, и было основано исключительно на *вере* в проповедь основателя религии, но не на подлинном *знании*. А подлинной *базой* всех религий является *одинаковость* внутреннего мира человека у всех народов земли.

За ушедшие тысячелетия европейский человек разительно изменился: он повзрослел в *рациональном* отношении, во многом обеспечил себя средствами к существованию, стал

менее зависим от сил природы и как результат – утратил ту подлинную *веру*, которая одухотворяла существование всех прежних народов. Это не катастрофа, это естественный процесс роста человеческого сознания, которое выбрало для себя техногенный путь развития. Но из этой *пропасти*, в которой оказалось человечество, надо как-то выбираться, потому что человек по своей духовной природе – *не скотина*, и потому что его существование имеет смысл.

Скажите, во что превратилось сегодняшнее христианство? И разве можно его сравнить с тем, которое существовало на заре новой эры? Где та *жертвенность*, которая одухотворяла эту религию в самые первые века ее существования? Где подлинны *агапы* ранних собраний христиан? Но то же самое происходит и на другом конце земли. Куда канули духовные практики династий *Шан* и Раннего *Чжоу*, которые выродились в социальное учение под названием «конфуцианство»? Или где сегодня знаменитые *Элевсинские мистерии* древних эллинов? Или римские мистерии *Митры* Непобедимого Солнца, которые практиковались всем воинским сословием Империи в III в. н.э.? И как расценивать путь иудаизма от *Торы* к *Каббале* и далее к *хасидизму*?

В духовном отношении менее всех других изменился ислам, – он еще достаточно молод. Но развитие всех без исключения религий имеет тенденцию к постепенному угасанию, как особой силы в обществе, к раздроблению на секты, к полной утрате истинной духовности или к вырождению в

какие-то национально-расистские формы. И все эти процессы идут рука об руку с тотальным исчезновением понятия «духовность» в человечестве.

Но вместе с тем все живущие на земле *человеки* – это люди, одинаковые по своему физическому составу, по способности мыслить, любить и ненавидеть. И надо иметь извращенное мышление, чтобы предположить, что предназначение человека и достижение им смысла своего существования разнится в зависимости от крови или цвета кожи. Подлинное название такому убеждению – религиозный расизм. Духовное падение современного человека заключается в том, что большинство из нас прекрасно осознаёт, что те процессы, которые развиваются, в первую очередь, в западном мире, – это, в действительности, *сатанизм*, но никто из нас не видит в этом особой катастрофы: «Меня это не касается». Да и сам Сатана – это пустая выдумка примитивных предков.

Назначение настоящей книги заключается в том, чтобы показать читателю, что же придет на смену главным религиям в будущем, или, если говорить точнее, чем отдельные религии будут *коронованы*. Это светлое новое будет основано не на собственных измышлениях автора, а на несколько ином прочтении древних текстов, в которых будущее человечества очерчено абсолютно ясно и безо всяких кривотолков. Но в силу тогдашней незрелости человеческого духа это ясное и откровенное не могло быть понято правильно.

В этой книге мы постараемся показать читателю, что глав-

ное в нашем человеческом бытие — это существование на земле двух *совершенно разных*, и даже противоположных существ, наделенных сознанием, — мужчин и женщин. Они как будто с разных планет на Землю свалились. И от того, как будут построены взаимоотношения этих двух автономных и даже *антагонистических* единиц, зависит вся их будущая судьба, включая то посмертное бытие, в которое в нашем цивилизованном мире уже давно никто не верит. Но от этих взаимоотношений зависят также и судьбы всего мира, потому что наша планета — это что-то наподобие искусственного инкубатора для выращивания совершенно особого «продукта». Причем, в этом замечательном «инкубаторе» есть свои враги — «лисы» и «крысы», которые поедают не проклюнувшиеся яйца или вылупившихся цыплят. Но есть и защита. И если я, безо всяких восторгов, назову слово *любовь* (а оно в нашем русском языке такое же широкое, как и русская душа), то многим читателям это будет непонятно.

Тема разговора не совсем обычна, нова и даже маргинальна для читателя. Так всегда бывает и это естественно для нашего человеческого мира. Но, несмотря ни на что, будущее за этим. Человечество вплотную подошло к решению этого вопроса, пусть и через катастрофу. Но оно должно будет сделать для себя выбор: или небытие, полная зачистка и зарождение новой ветви человечества, которая окажется в состоянии решить задачу, поставленную перед Землей какими-то Высшими Силами или не открытыми наукой Зако-

нами. Или – тот путь, который описан в этой книге и который был предначертан человеку *an'архэс*. Как увидит в дальнейшем читатель, этот путь не придуман самим автором. Он описан в древних книгах и как бы совершенно случайно, без особого плана и намерения, апробирован на его жизни. Так сложилось, так получилось «само собой», и в конце жизни сформировалось в удивительно отчетливую и ясную картину в сознании.

Книга не простая. Она плотно заполнена незнакомой для читателя информацией и многочисленными цитатами из авторитетных источников. Она не для всех, и ее не считаешь для развлечения. Более того, она не для традиционных христиан, которых я искренне люблю, потому что сам когда-то горел этим же самым святым духовным огнем. Эта книга больше для мужчин, чем для женщин, впрочем, точно так же, как и *Евангелия* Христа. И это притом, что исторический Христос больше любил женщин.

В книге много говорится о Древнем Египте, о верованиях мандеев и текстах *Упанишад* Древней Индии. Потому что без всей этой «подкладки» *Евангелия* не понять. В традиционной богословской трактовке евангельские тексты уже давно оторваны от своих родных «языческих» корней, – этого уже никто не помнит, и евангельское повествование, вынутое из своего древнего окружения, висит на тонюсенькой ниточке под названием «Христос». Сегодняшнее человечество, как и тысячу лет назад, не сомневается в том, что сам Хри-

стос – это продукт и рождение иудаизма.

По этой причине, когда в начале прошлого столетия англичанка Эсель Стефана Дровер опубликовала древние религиозные тексты мандеев – они были открыты этой энтузиасткой впервые в мире и свалились на человечество, «как снег на голову», – это не произвело того впечатления, которое они должны были вызвать в христианской душе. А в них одним из важных персонажей является Христос, а еще – Иоанн Креститель.

Еще одно важное событие произошло в середине прошлого столетия, когда в Египте были обнаружены древние тексты с неизвестными науке *Евангелиями* на коптском языке. Один из этих текстов – это самое раннее известное науке *Евангелие*, в котором повествование ведется от имени Иисуса. В нем дублируются многие высказывания Христа канонических *Евангелий*. Но и на этот раз богословы данное событие оставили без внимания.

И, наконец, уже совсем недавно в Египте был обнаружен клочок папируса, в котором содержится обрывок фразы: «*Иисус сказал: Моя жена...*». Тишина. Мертвая тишина.

Я хотел бы верить, что русский человек – даже в современной потребительской России – в состоянии осмыслить содержание этой книги. А кто-то – увидеть новую цель в своей жизни. Ведь мы, русские, по своей исконной природе никогда не были индивидуалистами. Мы никогда не были особо меркантильными. Нас втолкнул в это прокрустово ложе

«враг человека» (Мф. 13:28). Как злой египетский *Сет* – доброго *Осириса*.

О любви и ее терминологии

Пусть мой читатель не волнуется, я не забыл о том, что обещал ему рассказать о мистериях. Но перед этим – еще одна важная тема. Можно задать вполне естественный вопрос: у кого из нас больше шансов познакомиться с этими мистериями? Попробую на него ответить.

Во-первых, это, конечно, молодой человек, совсем еще юноша. Начинается все именно в этом возрасте. Такой должен обладать двумя принципиальными особенностями. Первая. Он по природе своей и безо всяких внутренних усилий с любовью и сочувствием относится ко всему окружающему миру, включая даже деревья, которые для него *живые*. Он внутри себя, *от сердца своего* чувствует их радости и печали и сочувствует им, как меньшим братьям по бытию. Для него внутренне трудно причинить живому боль. Это дружелюбный, а порой и ласковый человек, который имеет открытое сердце и не знает о той подлости, на которую способны люди.

Такая ласковость сродни особой ласковости украинского языка, которая особенно ярко проявляется в лирических песнях этого народа. Этой лиричности и ласковости нет ни в нашем русском, ни тем более в польском языках, которые являются самыми близкими к украинскому, и она – та прекрасная черта украинской *мовы*, аналога которой нет, наверное, ни в одном языке мира. Но при этом он, этот юноша,

имеет долю отваги и обладает силой воли. Это как бы одна сторона «разновесов» его души.

Вторая – более болезненная и противоречивая, хотя и очень часто встречающаяся у наших русских мальчиков. «Для чего я живу? Для чего меня родили в этот мир? Все смертно, и я умру. Но в таком случае и жизнь бессмысленна». Вот такие вопросы терзают его душу.

«Да, конечно, все мы знаем, что, возможно, есть Бог, который нас создал, но это означает только одно: именно он ответственен за всё. Именно он *виноват* в том, что все так хорошо и одновременно – так плохо». Отметим, забегаая немного вперед, что в таком заключении юноши присутствует изрядная доля истины: «виноват» именно Бог.

И в груди этого молодого человека рождается вопрос к этому Богу: «Зачем? Ответь мне, если ты в состоянии». Вопрос дерзкий и, понятно, – «в никуда». И более того, этот юноша далеко не уверен в том, что такой Бог действительно существует. Но вот это постоянное внутреннее усилие в груди, – как будто человек уперся руками в стену и все время ее удерживает, чтобы она не опрокинулась, – такое часто подсознательное и не контролируемое сознанием направление воли является второй главной особенностью нашего молодого человека. Во всем остальном он незаметен для окружающих и почти пайныка. И, наверное, необходимо добавить самое последнее. У него рано пробуждается эрос, и, возможно, именно от этого такая *любовь* ко всему живому.

И вот тут мы скажем несколько слов о его, и не только его, *любви*, в том числе ко всему живому. Правду говоря, «любовь» – это прекрасное русское слово, оно даже и звучит как-то благозвучно. Но когда приходится говорить о *любви*, как в нашем, например, случае, порой приходишь в неразрешимое недоумение.

Например, кто-то доверительно сообщает тебе под большим секретом, что он *любит* Бога. И такие люди действительно есть, и говорят они искренне. А какая-то девочка-одуванчик, например, весело прощечечет: «Я так *люблю* моего попугайчика Антошку!». И это чудесно! А кто-то из взрослых крикнет и, отвернувшись, хмуро ответит: «Что ты пристал, я занимался *любовью*». – Что... что... ты мне... сказал?

О, ужас! Физическое сношение в публичном доме и высшее чувство к Создателю мира характеризуется в нашем русском языке одним и тем же прекрасным словом «любовь».

Почему так произошло? Ведь упрекнуть наш богатый русский язык в лексической недоразвитости было бы несправедливым. И это правда. Но в то же самое время в чрезвычайно важных для нас и предельно интимных отношениях мы – немые. Для этого в русском лексиконе существуют только *матерные* слова.

Объясняется это недоразумение тем, что, несмотря на проявляемую порой разухабистость (ненормативная лексика, судя по всему, именно отсюда), русский человек по сво-

ей природе очень стыдлив. Почему стыдлив? Наверное, потому, что, сколько себя помнит, всегда жил на необъятных просторах нашей Родины, – не так, как европейцы, «друг на друге», – а также потому, что «это» всегда было для него чем-то «не от мира сего», – тайным, глубоко интимным и даже божественным. Он не понимал этого *чуда* и старательно обходил эту тему молчанием. И на такую исходную природную стыдливость русского человека легло тысячелетнее отношение к *сексу* нашей православной Церкви.

Представьте себе обычную картину для любой дореволюционной деревни, которая в воскресный солнечный день собирается на заутреню. Отдельно выстраивается опрятная очередь стесняющихся молодых людей – парней и девок, – которые должны исповедаться перед батюшкой в том, что не удержались и «согрешили» накануне Воскресенья. А мимо идут взрослые односельчане и посмеиваются.

Что это? И неужели трудно было понять, что подобные интимные и глубоко ранимые чувства молодой семьи нельзя предавать огласке и выставлять напоказ? Или Церковь, которая владеет *Евангелием* с удивительно сердечными словами Христа, этого не понимала? «Окаменело сердце их, слушают и не слышат, смотрят и не видят». (Мк. 4:12; 8:17).

Но ведь факт остается фактом. И неужели мы в этой книге будем использовать холодно-отталкивающее английское слово *sex* в том случае, когда нам придется говорить об «этом»? А говорить надо, потому что для человека *это* –

почти «главный инструмент» для исполнения заповеди Христа, а значит, и для того, что в Церкви принято называть «спасением». Мне кажется, для любого нравственно здорового русского человека слово *sex* звучит *мерзко*. Что это за слово такое, если его можно применить одновременно к действиям новобрачных и проститутки? Это слово из какого-то инфернального мира.

«Научным эквивалентом» этого слова в русском языке является слово «пол»: пол мужской и пол женский, причем, безо всяких намеков на непозволительные действия. И ведь далеко не всякий россиянин осознаёт, что «пол» – это в данном случае не та крашенная дощатая поверхность комнаты, по которой люди ходят, и на которой, в случае чрезвычайной необходимости, можно совершить «эти» действия за неимением кровати. Русское слово «пол» – это сокращенное от слова «половина». Мужчина – это только «половина», но и женщина – тоже «половина», а вместе они – муж и жена – это единое целое, которое изначально существовало при создании нашего мира. Это уже «полный» Человек, *ант^hропос* по терминологии Христа. И именно о таком Человеке – важные слова Иисуса Христа в девятнадцатой главе *Евангелия от Матфея*. И именно об этом мы будем говорить.

Утратив правильное представление о «поле», человек лишается возможности получения *мистерий* и осознания истинного смысла своего существования. А эрос в решении этого чрезвычайно важного «полового» вопроса имеет ис-

ключительное значение. Сегодня человек живет, как животное: занимается *сексом*, рождает и умирает. Мы будем использовать слово «секс» для конкретизации дела в публичном доме, и нигде больше. У животных это, конечно, не секс, а случка.

А как же быть со всей остальной нормальной «любовью», и кто нам в этом поможет? Ведь если говорить по-человечески, то настоящая *любовь* в молодом возрасте, особенно первая, – это нечто такое, что невозможно описать никакими словами. Человек – как живая букашка, наколотая на иголку в коллекции у ботаника. Шевелит ножками, а с булавки слезть не может. И это знает каждый, кто пережил мучительное и прекрасное чувство любви. И для чего оно дано нам, мужчинам и женщинам?

Поможет в вопросе классификации *любви* тот греческий язык, на котором написаны *Евангелия*. Древнегреческий язык вобрал в себя несметную мудрость древних. Эллина были такими же людьми, как и мы, сегодняшние. Человек ни в чем не изменился, – изменились окружающие его обстоятельства. Боги и религия значили для эллина гораздо больше, чем для нас с вами. И этот эллин прекрасно понимал, что его любовь к Богу совершенно другая, чем, например, похожее чувство к сыну или чувство к своему городу-*полису*, или – к любимой женщине. И совершенно естественно, что для каждого из этих чувств у эллина, в его языке, было свое отдельное слово.

Для русского слова «любить» наиболее близким греческим эквивалентом является слово *φιλεο* – «любить», «испытывать глубокое чувство дружбы», «ощущать привязанность, влечение», «нравиться» (словарные значения). Отсюда – слово «друг», *филос*. Возвышенное чувство к богам, почитание и любовь к ним выражались глаголом *αγαπαο* – тоже «любить», но уже по-другому.

Следует напомнить, что в первоначальной христианской Церкви (правильнее сказать, если переводить это с греческого, – не в «церкви», а в «народной сходке») практиковались вечерние собрания единоверцев, которые заканчивались взаимными поцелуями – всех со всеми. Такие «вечери любви» назывались *агапами*. И мы теперь понимаем, что эти «поцелуи» были совсем не такими, которые в греческом языке именуются уже известным нам словом *φιλεο*, второе значение которого – «целовать». Мы чаще всего целуем своих любимых поцелуем *φιλεο*, но не *αγαπαο*.

Далее, от имени греческого бога *Эрота* – крылатого мальчика с луком и стрелами любви – берет начало еще одно «любовное» слово, *эротаο* – любить страстно, и даже похотливо. Это и есть физическая, плотская любовь. Это *эрос*. Греки не видели в этом ничего гадкого. Любовь к Отчизне и к родителям – это уже совершенно другое греческое слово, которое мы использовать не будем, потому что речь не об этом.

Приведем небольшой, но показательный пример из канонического *Евангелия от Иоанна*. Пусть наш читатель не пу-

гается: мы будем говорить обо всем этом безо всякого богословского «занудства» и назиданий. Причем, мы вовсе не требуем от нашего читателя, чтобы он знал евангельский текст. Для него вполне достаточно той информации, которой обладает любой грамотный европеец.

Итак, в последней главе ученики ловят в лодке рыбу и видят на берегу человека. Они узнают, что это их Учитель Иисус, который воскрес. И когда они сидят вместе с ним у костра и едят печеную рыбу, Иисус спрашивает Петра: «*Любишь* ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин. 21:15). Петр отвечает: «Да, господин, Ты знаешь, я *люблю* Тебя». Повторно его спрашивает Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?». Опять, то же самое отвечает ему Петр. И в третий раз спрашивает его Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?». Опечалился Петр, что в третий раз спросил его Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?».

Откуда возник такой вопрос у Иисуса? Дело в том, что Петр трижды предал Христа отказавшись от него словесно, когда Иисуса судили иудеи (сказал, с клятвой и божбой: «Не знаю сего человека»; Мф. 26:74). И по логике, Иисус тоже должен был задать ему этот вопрос трижды, чтобы «отмыть» три Петровы «проказы». Но в таком случае Петру, если он действительно любит Христа, обижаться было не на что. А в *Евангелии* сказано, что после третьего вопроса он «был опечален». Русскому читателю здесь ничего не понятно, и это естественно.

А все дело в рассмотренной нами особенности греческого

языка, на котором написаны канонические *Евангелия*. Первый раз Иисус в этом троекратном вопросе использует слово *аgаpао*, причем, спрашивает, является ли *аgаpа* Петра больше, чем у других апостолов. Петр, зная свое предательство и свое истинное отношение к Христу, не может дать ответ Иисусу с этим же самым словом. Поэтому он как бы становится «на ступеньку ниже» (и даже – на две) и использует слово *филео* – «люблю». Второй вопрос Иисуса, но уже без слов «нежели они», потому что эти слова Петр проигнорировал, и ответ Петра повторяют первый. Но в третьем своем вопрошании Иисус использует уже глагол *филео* вместо своего первоначального *аgаpао*, и именно поэтому Петр пал духом.

То есть их разговор был таким. «Ты меня любишь возвышенной любовью больше, чем другие ученики?» – спрашивает Иисус. «Я тебя люблю по-человечески, *как друга*» – отвечает ему Петр. А что он мог еще сказать? Он бы явно солгал, если бы использовал слово *аgаpао* или сказал, что любит Христа больше других. Но в третий раз Иисус спрашивает уже иначе: «Ты, Петр, любишь ли меня [хотя бы] *как друга?*». Такой вопрос свидетельствует о том, что, если выражаться нашим земным языком, Иисус не верит в искренность слов Петра. Он, таким образом, заявляет Петру, что тот его *не любит* даже как друга. Фактически, в жизни Петра получилось так, что он, думая свои думы о прошедших событиях, вдруг увидел Христа *воскресшего*, чего никак не

ожидал, и отсюда такой разговор его с Христом.

Иисус упрекает Петра в неискренности. Ведь до этого Петр при всех учениках заявлял, что готов умереть за Христа («*хотя бы надлежало мне умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя*»; Мф. 26:35). Да, Петр останется апостолом Христа и будет проповедовать «благую весть» (*евангелие*) так и не поняв ее сути, но он никогда не сможет изжить в своей душе это черное для него событие. О том, почему именно Петру Иисус вручил «ключи от Царства Небесного», мы поговорим немного позднее. И тогда читатель поймет, что это никаким образом не связано с личными заслугами Петра.

Если немного продолжить тему греческого языка (а он нам еще очень пригодится), то характерной особенностью евангельской речи Христа является ее некая странность, которая исчезает во всех европейских переводах, включая наш, русский. Она заключается в том, что Иисус в качестве слова «говорю» использует два разных греческих глагола: *лего* и *лалео*. *Лего* является стандартным эквивалентом нашего «говорить» и, рассуждая объективно, его вполне достаточно для выражения этого понятия в человеческой речи. Но индивидуальной особенностью разговора Иисуса является как раз то, что он порой заменяет стандартное слово «говорю» словом *лалео*, которое, с точки зрения здравого смысла, не совсем подходит для нормальной беседы. И для обычного слушателя, если говорить объективно, лучше было бы услышать привычное *лего*.

Еще раз повторим, что оба этих слова в *Евангелиях* на русском, и не только, переданы одним и тем же глаголом «говорить». И это делается, в том числе, для того, чтобы не представлять «великого» Христа в несколько жалком виде. В чем тут дело? Дело в том, что глагол *лалео* используется для передачи бессвязной речи младенца, его лепета, – он ее фонетически копирует. Отсюда значения: «лепетать», «гукать», «болтать», «молоть языком», «говорить зря», «мычать», «говорить нечленораздельно» и даже «заикаться». Греческое *лалэ* – это «болтовня».

Но вот, например, греческий писатель Плутарх (40-120 гг. н. э.) говорит, что «поэзия есть говорящая (*лалу*са) живопись», то есть он использует именно этот глагол для того, чтобы образно сказать, что поэзия – это «лепечущая живопись». А философ Аристотель использует это слово в значении «издавать музыкальные звуки», «играть (на свирели)». Но эти исключительно поэтические термины никакими богословами, и тем более простым народом, в расчет не принимались. Причем, человек, читающий *Евангелие* на греческом, прекрасно видит, что Иисус (не в пример евангелисту Марку) хорошо владеет греческим лексиконом, хотя знает и арамейский язык, который является его родным: вспомним *талифа кум* (Мк. 5:41) – «девица встань» или *еффафа* (Мк. 7:34) – «откройся».

В чем тут дело? А объясняется это, скорее всего, двумя причинами. Первая, очевидная и исходная, заключается в

том, что реальный проповедник Иисус скорее всего немного заикался (этот же намек присутствует и в мандейской «Книге Иоанна»), и таким образом он как бы пытался «снять» эффект от погрешности своей речи. Но главная причина в другом, и она скрыта под его якобы отсылками слушателей к своему заиканию. Когда он говорит *лалео*, он часто затрагивает такие духовные категории, которые, фактически, невыразимы в полной мере на нашем человеческом языке, и которые, по своей исконной сути, всегда интимны. Эта особенность речи Иисуса никогда не была понятна толкователям, переписчикам и богословам, которые, как уже было сказано, старались как-то сгладить этот «промах» Иисуса в выборе не совсем подходящего глагола. И поэтому в *Евангелиях* данная особенность проявляется не всегда последовательно: наверное, эти слова переписчики иногда подправляли, заменяя *лалео* на *лего* и наоборот.

Слово *лалео* встречается также в греческом тексте *Септуагинты* («Перевод семидесяти») – Священном Писании евреев, переведенном ими же самими со своего языка на греческий. В Книге *Бытие* это слово используется там, где Бог *Яхве* обращается к патриархам Израиля или к своему народу. А следовательно, можно предположить, что Иисус в какой-то степени присваивает себе божественное достоинство. Но более вероятен другой вариант: в первоначальном тексте *Септуагинты* присутствовало только греческое *лего*, а уже после появления *Евангелий* христианские богословы (*Септу-*

аггнта вошла в Библию христиан в качестве *Ветхого Завета*), или сами иудеи, заменили это слово в отдельных местах на *лалео*.

И еще один важный момент. В мандейском Писании само *Слово*, как пишет Э.С.Дровер, или акт его произнесения был *актом творения*. То же самое мы видим в египетских гимнах Сотворения мира и в первых стихах книги *Бытие* (Шестоднев). В мандейском языке это *mimra* или *malalta*, что означает «изреченное слово» (Мандеи: История, литература, религия. СПб.: «Летний сад; Журнал “Нева”»; 2002, с. 269). И если мы прислушаемся к звучанию греческого слова *лалео* и сравним его с мандейским *малалта*, то заметим, что их фонетическая база подобна, и это «корень» *лал*.

Вообще, у любого искреннего читателя евангельского текста, да и у любого европейца, часто возникает вопрос: «Каков был внешний облик Христа?». Ведь в самом тексте об этом не сказано ни единого слова. И почему не сказано? Не сказано только по одной причине: те, кто о нем писал, его никогда не видели и даже не слышали от других, как он выглядел. И, тем не менее, мы можем попытаться воссоздать в общих чертах внешний облик этого реального великого проповедника. Как? Сейчас увидим.

То, что Иисус был *назареем*, а не евреем, – в этом читатель убедится позднее. А как писала в свое время леди Дровер, в том народе, из которого вышел Иисус, существовала такая странная особенность: простой народ, *мандеи*, и их высшая

каста – священнослужители или *назарее* – разительно отличались по своему внешнему облику. Если простые мандеи – это характерный для того региона тип человека: темноволосяй, смуглый, невысокого роста, то назареи – в прямом смысле слова красавцы. Высокие, статные, светлокожие или с золотистой кожей и почти светловолосые и голубоглазые. Мандеи и назареи – это как будто два совершенно разных народа. Возможно, я немного приукрасил подробности, но ясно одно: это стройные, высокие, светлокожие, светловолосые и красивые люди.

Сколько назарею Иисусу было лет, когда он стал проповедовать у евреев? В *Евангелиях* существует две разные версии: у *Луки* – ему тридцать лет (Лк. 3:23), а у *Иоанна* – около пятидесяти (Ин. 8:57). Кто из них прав? Наверное, оба. Тридцать лет – это возраст того придуманного художественного персонажа, еврейского Мессии, который выведен в этом тексте в качестве «главного героя». Пятьдесят лет – это тот реальный возраст, который поставил ему Иоанн, – евангелист, который тоже не знал этого проповедника лично, и который о нем ничего не слышал. Но он читал появившиеся к этому времени *Евангелия*. Этот Иоанн имел личный опыт тех *мистерий*, которые описаны в этих *Евангелиях*. И исходя из своего собственного опыта, он прекрасно знал, что в тридцать лет мистирию «раскрывшегося Неба», о которой говорится в синоптических *Евангелиях*, не получишь. Точно так же, как невозможно шестилетнему ребенку зачать новую жизнь.

Итак, назарей Иешуа (по-гречески Иисус) – это красивый светлокожий и светловолосый (но не блондин) мужчина лет пятидесяти, высокий и стройный, с тронутыми седью длинными волосами, удлинённым овалом лица, прямым носом (но не «греческим»), голубыми или серыми глазами, с мягкой манерой поведения, дружелюбный, улыбающийся, немного стесняющийся и немного заикающийся. Это и есть истинный портрет того выходца из мандейского племени, который во время оно пришел к евреям с проповедью о своем таинственном *Царстве Небесном*.

И, наконец, вернемся к нашему русскому языку и к слову «любовь» в приложении к настоящей книге.

Агапа – это особое неземное, возвышенное чувство любви и почитания богов. Русским языком это можно как-то передать, написав слово *Любовь* с большой буквы.

Филиа – то, что русский человек обычно понимает под словом «любовь», хотя наше слово «любовь» по своей эмоциональности и одухотворенности выше *филиа*: это нечто промежуточное между *агапа* и *филиа*. Мы можем добавить к этому, что если *агапа* идет исключительно от человеческого сердца, то *филиа* – это уже и мыслящая голова.

Эрос – страстное земное чувство мужчины, который неравнодушен к какой-то женщине (и, наоборот); в пределе это то, что в христианстве именуется словом «похоть» (от древнерусского «похотеть»), но только без оттенка средневе-

кового христианского омерзения к физическому единению противоположных полов. Чувство *эроса* рождается в человеке «ниже» уровня сердца.

Любовная близость, единение – это физическое единение мужа и жены, – слова, имеющие преимущественно нейтральную окраску.

Секс – случка в публичном доме или со шлюхой.

И попробуем теперь описать стандартные чувства нормального юноши к своей любимой девушке, невесте, а затем жене, и, наконец, к спутнице жизни уже после многих совместно прожитых лет. Первая любовь к девушке – это всегда *агапа*. Об *эросе* даже нет мысли. Она, его девушка, – это «недотрога», неземное существо, какая-то *богиня*, совершенство, идеал и предмет восторга, удивления, и поклонения. Все его мысли в это время – только о ней. Причем, она «богиня» только для него одного; его друзья могут счесть ее не совсем красивой, например, с чрезмерно большими ушами или немного кривоногой. Но те девушки, которых действительно любят, пусть не комплексуют из-за своих «недостатков». Для любящего юноши их не существует.

После поцелуев, сначала робких *агапао*, а затем и *филео*, свадьбы и брачной ночи, – это по-прежнему та же самая *агапа*, но уже как бы полнее; и это чувство становится всеобъемлющим в его новой жизни. У него появилось свое «солнышко» в небе, к которому он стремится всей своей душой.

Но это «солнце» постепенно начинает включать в себя все больше и больше осознанного чувства *эроса*. По прошествии некоторого времени, *агана* плавно переходит в *филиа* (человеческую любовь), и в их отношениях *эрос* занимает все большее и большее значение. Эти *эрос* и *филиа* со временем теряют свою первоначальную яркость, но остаются таковыми до преклонных лет, – до гробовой доски.

Следует ли огорчаться подобному угасанию первых ярких чувств? Нисколько. Эти чувства переходят в другое внутреннее состояние этой пары. Если в их жизни все идет правильно, значит, они поневоле будут «слепляться» в какого-то нового единого человека. Она становится им, а он – ей. У них и одинаковые мысли в голове вдруг одновременно рождаются, и одни и те же любимые песни в душе неожиданно звучат. А для единого Адама, в идеале, уже излишни и *эрос*, и *филиа*, и тем более, *агана*. Он и она становятся одним целым, – *уа уот*, как говорит коптский текст *Евангелия от Фомы*.

В нашей светлой и бушующей молодости всего этого понять невозможно. Вот как представлял себе старческий возраст шестнадцатилетний Лермонтов («Опасение», 1830):

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,

Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Для молодого Лермонтова – это *«крушиться о двоих...»*. Но ведь в преклонных летах они уже не двое, а *ya yot*, а значит, и сердце на двоих одно, как бы в это *неземное* не вплеталась наша неизбежная житейская суета.

Когда я был еще в своем *акмэ*, моя матушка часто говорила мне: «Голубчик, душа человека остается молодой, она не стареет. Это я снаружи такая безобразная. Тебе этого сей-

час не понять». Сегодня и я это уже понимаю. Наша душа действительно не стареет, – потому что бессмертна. И это не пугливые уговоры самих себя, а *истина*. Все мы это подсознательно чувствуем, и именно поэтому не боимся того, что когда-то умрем. Мы считаем себя *вечными*, и не ошибаемся в таком своем внутреннем убеждении. А значит, *ya yot* – и после гроба.

И раз уж мы принялись читать стихи, как это было в нашей молодости, приведу читателю один куплет из прекрасной польской песни. Поет ее – и поет удивительно сердечно – Северин Краевский, тот самый Краевский, который должен быть известен даже молодому поколению по некогда нашу-мевшей «*Ние спочнемы*».

Гди *е* ж в хотэл *о* вым корыт *а* жу кр *у* тка хв *ы* ля,
Сплечёны р *е* нце гди *е* ж на пл *я* жсы, *о* чии бл *ы* ск.
Высл *а* ны в би *е* гу кр *у* тки л *и* ст,
Стокр *о* тка снй *е* гу, д *о* бра м *ы* слъ,
То вць *о* нж за м *а* ло, мое с *е* рдце, ж *е* бы ж *ы* чь...

Уць *е* кай, ск *о* ро св *и* т,
Бо п *о* тэм б э ньдже вст *ы* д,
И нь *е* выб *а* чи н *и* кт
Хл *о* ду *у* ст, бр *а* ку слов...

.....
И н *о* ва зл *у* да, н *о* ва н *и* ть...

Беги! Скоро светает,
Потому что потом будет стыдно,
И никто не простит
Холода губ, отсутствия слов...

.....
И новый обман, новая нить...

И *«этого все-таки мало, моё сердце, чтобы жить...»*.
Братья славяне понимают друг друга без перевода. Замечательный Северин Краевский не читал настоящей книги. Но насколько точно он (и поэтесса, написавшая эти стихи) обрисовал реальное положение обычного молодого человека, *живого* и смотрящего в будущее. Его сердце ищет чего-то неземного, ищет любви к прекрасной девушке, с которой можно было бы навеки «обняться» и так пройти всю свою жизнь рука об руку. И как правило, – почему-то не получается, что-то не сходится. И опять – очередная разлука. И еще одна попытка, и тоже напрасная. *«И новый обман, и новая нить...»*, связывающая уже с другой избранницей, которая, может быть, подойдет для вечного «обнимания».

Это – наш *земной* мир. Он весь в этом. Это не райские обители, где всё прекрасно и все любят друг друга. Все мы совершенно разные, и *никогда* девочки *не будут в состоянии понять* мальчиков *до конца*. И наоборот. С этим надо мириться. Иначе не бывает. Все остальное – рассказы других

про вечную идеальную «любовь-морковь» – это прекрасные сказки или бессовестная болтовня. Это – земля. Мы – оба в меру наших сил – после первого *головокружительного* чувства *любви* должны *сознательно* идти навстречу друг другу и прощать своему другу непонимание, как нам кажется, элементарных вещей.

И тогда все получится. И тогда ты никогда не назовешь свою юношескую любовь «старушкой». Такой она будет для других, но не для тебя самого. И ведь ты себя не станешь обманывать: она действительно *не старушка*. Ты не видишь ее такой своими глазами. Но ведь и сам ты – *не старик*. Для нее, твоей единственной. И что тебе до всех остальных... Перед вами – *вечность*.

Мистерии (начало)

Во-первых, давайте определимся, чем подлинная *мистерия* отличается от какого-то, даже тайного, религиозного обряда; или символических сцен с участием богов или воссозданием мифов; или какого-то «видения», – то есть от всего того, что кому-то померещилось; или от такого состояния, когда допившийся до белой горячки алкоголик, видит повсюду чертей. Кстати, этих же «чертей» может увидеть, например, человек, заболевший тифом.

Для решения стоящей перед нами задачи мы, в нашем разговоре, будем часто обращаться к евангельскому тексту, где слово *мюстерион* присутствует. Почему такая привилегия именно *Евангелиям*? Только по той причине, что никакой другой текст – а все известные науке тексты, включая *Бхагавад Гиту* и *Упанишады*, автор старательно изучал, – не содержат такой богатый и последовательный материал, имеющий отношение к развитию духовного мира человека. Причем, это не ставшие уже привычными в некоторых христианских кругах «охи» и «ахи» о «прекрасном мире духа!», а прямые указания и буквальные «инструкции» для прохождения того духовного пути, который этот текст предлагает. Об этом *пути* никакой другой информации, зафиксированной текстуально, в мире не существует. Только *Евангелия*. У Конфуция этот путь обрисован для одного этапа – «просвет-

ления сердца».

По мере прочтения настоящей книги читатель сможет лично убедиться, что повсеместное «атеистическое» мнение о том, что *Евангелия* являются неким «простеньким текстом» со стандартными нравоучениями, дублирующими заповеди иудейского Писания, не имеет ничего общего с *истинной*. Фактически, до настоящего времени *Евангелия* остаются для всего человечества загадкой, несмотря на их тысячелетнюю историю. Ведь доходит до такого непонимания, что Церковь уверена в том – и это отражено в ее богословии и пасхальных песнопениях, – что Рай и то Царство Небесное, которое проповедовал Иисус, это одно и то же! Но это абсурд. Сегодня мы эту загадку разгадаем. Причем, через наши рассуждения о *мистериях*.

Что означало слово «мистерия» у эллинов? – Какие-то религиозные действия, наподобие праздничных почитаний разных богов? Конечно, нет. Главной сути этих мистерий человечество не знало, и не знает сегодня. Что происходило в храме *Телестерион*, когда там проводились *Элевсинские мистерии*? – Это до сих пор никому не известно. И всё это несмотря на то, что через *Элевсин* за два тысячелетия его существования прошли десятки тысяч *мистов*. Все они хранили *молчание*.

Научное мнение таково, что это были какие-то религиозные обряды, – что-то наподобие театрализованных представлений, – имитация чего-то, происходящего в древности у ми-

фических богов. Очевидным примером таких «представлений» или богословских сцен являются наши христианские *обряды* – *крещение* и *причастие*, – которые после появления Церкви стали именоваться греческим словом *мюстерион*. Так они объясняются в современных греческих словарях – «мистерии», а в нашем русском языке при переводе *Евангелий* слово «мистерия» превратилось в «тайну», а обряд причастия – в «таинство». С той целью, чтобы избавиться от языческого прошлого этого слова. Ведь слово «мистерия» также присутствует в нашем богатом языке.

Слово «мистерия» вошло в христианский лексикон только по той причине, что его когда-то произнес сам Христос, – сказал именно *та мюстериа* (греческое «мистерия» с артиклем), а не «тайна», – греческое *та крьюпта*, которое Христос тоже хорошо знает и неоднократно использует в своей проповеди. И сказал об этом как о каком-то *очень важном* условии, без которого ни один из его последователей не достигнет желаемой цели. Потому что это слово имеет прямое отношение к тому Царству Небесному, которое является главным содержанием всей его проповеди. Для того чтобы опровергнуть богословское представление о том, чем в самом деле является *евангельская мистерия*, достаточно привести эти слова Христа, обращенные к апостолам.

Мф. 13:11. «Вам дано познать *мистерии* Царства Небесного, тем же не дано».

Мк. 4:11. «Вам дана *мистерия* Царства Бога, тем же, которые вне, в притчах все дается».

Лк. 8:10. «Вам дано познать *мистерии* Царства Бога, остальным же в притчах...».

То есть он не сказал, что «вам дано *увидеть*», или «вам дано *участвовать* в мистериях», или «вам дано *получить*...», а сказал «данно *познать*». В другом варианте мистерия просто «*дана*». И если логически проанализировать эти слова, они полностью опровергнут имеющееся в науке представление о содержании мистерии. Ясно, что это не является неким «театральным представлением» в стенах храма или каким-то доступным и понятным для любого человека действием. И христианские «таинства» в виде *крещения* или *причастия* этим приведенным выше словам Христа не соответствуют, тем более, если принять во внимание его слова, сказанные обо всех «остальных» или тех, которые «вне». Мы покажем читателю, что *подлинные* мистерии действительно не имеют никакого отношения ни к религиозному обряду, ни к каким-либо рукотворным действиям священников. Но это утверждение будет справедливо только для мистерий евангельских, а не для тех мистерий Бога *Осириса*, которые проводились в храмах египетскими жрецами, и не для мистерий Элевсинских.

Итак, в чем отличие подлинной евангельской *мистерии*? Первое отличие: получение мистерии не связано с земны-

ми событиями (участием в богослужении или в каком-либо другом «мистическом» обряде, отдыхом, занятием каким-то особым делом и так далее). Оно также не связано с приемом каких-либо препаратов или с приемом какой-либо пищи, или напитка. И тем более, это никак не связано с действиями какого-нибудь гипнотизера или иного воздействия другого человека (как это было, например, у великого индийского святого Рамакришны и его ученика Вивекананды). Это не имеет никакого отношения к медицинским диагнозам типа «шизофрения», «сумасшествие», «психопатия» и т.д. И евангельская мистерия никогда не бывает одновременным событием сразу для нескольких человек, как это могло иметь место в мистериях Элевсинских.

Второе отличие, и оно главное: базовые мистерии (а что это такое мы скажем отдельно) имеют для *каждого* человека некий *стандартный набор откровений*, – своего рода строго последовательную во времени цепочку событий, которые, с некоторыми отличиями, но без изменения своей принципиальной сути, повторяются от человека к человеку, через века и тысячелетия. Одна из этих мистерий описана в синоптических *Евангелиях*. В такой «цепочке откровений» есть свое место, причем место выдающееся, уже другой мистерии, – как раз той «*мистерии Царства Небесного (или Бога)*», о которой говорит Иисус апостолам. Все это мы будем подробно рассматривать в настоящей книге.

И, наконец, третья характерная особенность мистерий:

они имеют абсолютную убедительность для визионера. Получив ту или иную мистерию, человек в это не просто *верит*, он это уже *знает*, и переубедить его невозможно. Это – *истина*. Почему? Потому что полученное им *знание* и то знание, которым обладает обычный человек – иного рода. Этим обычным знанием он сам обладал раньше, и обладает им сейчас. Он знает все то, чем будет убеждать его посторонний человек, но при этом он не сомневается в том, что разговаривать на эту тему можно только с тем, кто получил подобное ему *знание*, то есть *мистерию*. И именно о таком принципиальном различии между христианами – большинство из которых *верует*, но есть некоторые христиане, которые *знают*, – писал в своей известной книге *Строматы* («Лоскутный ковер») ранний «полу-языческий» апологет христианства Клемент Александрийский.

А теперь об истинной природе мистерий, – той, которую можно, пусть и виртуально, «пощупать». Благодаря тысячелетним усилиям индийских йогов нам известно, что у каждого из нас на линии позвоночника располагаются какие-то неизвестные науке невидимые энергетические центры (*чакры* или «колёса-вихри»). Вся практика йога – это неустанная работа с этими конкретными центрами. Поэтому отмахиваться от подобной информации и заявлять, что «это не доказано», – это, по меньшей мере, не серьезно.

Обычный человек живет всю свою жизнь, не замечая наличия этих центров, потому что они после рождения *не ак-*

тивны. Но когда они становятся *активными* – последовательно снизу вверх, что происходит при прохождении через них особой силы-*шакти*, *Кундалини* (в европейском понимании – *либидо* или «эротической энергии»), – йог получает особый для каждой *чакры* опыт, сопровождаемый определенными световыми видениями, звуками или специфическим знанием. Для достижения необходимого результата йог практикует особые позы тела, *асаны*, при которых позвоночник расположен строго вертикально, и, во-вторых, он бережет свою «эротическую энергию» и полностью исключает контакт с женщинами. Пробуждение *Кундалини* и поднятие ее вверх с «пронзанием» этих «вихревых центров» – это тщательно продуманные и веками отшлифованные сложные практики, в какой-то степени тайные, и которые невозможно сочетать с обычным пребыванием человека в обществе. Древние йоги, занимаясь поисками *Брахмана* (о том, что это такое, – позже), нашли «золотую жилу», но стали эксплуатировать ее незаконно.

То есть в нашем человеческом мире существует как бы *искусственное* «духовное оплодотворение» – это практика йогов, и «оплодотворение» *естественное*, тоже духовное, – совместная жизнь мужа и жены. То, что делают йоги, – это искусственный прием, который, как это понимает автор настоящей книги, имеет эффект и значение только в земной жизни человека: долголетие, физическое неувядание и необычные способности, так называемые *сикхи*. Потому что

у йога это происходит *без участия женщины* (не говорим сейчас о *тантре* «левой руки», хотя это сути не меняет). При этом бесспорно то, что никакой йог атеистом не является. При естественном функционировании человеческого организма, который развивается в паре муж-жена, у мужчины происходит неосознанная активация *тех же самых* скрытых центров, но главный результат *для обоих супругов* проявляется уже в пакибытие.

При этом *стандартные мистерии* мужа, которые являются своего рода вехами правильного духовного развития, – это проявление «раскрытия» тех же самых духовных центров человека (*чакр*), с которыми имеет дело йог. И именно отсюда – закономерность в последовательном прохождении одних и тех же мистерий для того или иного мирского человека. Каждая *базовая* мистерия соответствует раскрытию своей конкретной *чакры*. Но при этом следует отметить, что ощущаемый эффект от раскрытия тех же самых духовных центров – какие-то видения, получаемое особое *знание* – у йога и у семейного человека будет принципиально различным. Огородники и садоводы хорошо знают тот факт, что на растении бывают пустоцветы и цветы, несущие в себе будущий плод.

Мы можем спросить себя: почему все древние люди говорили о потустороннем мире, как о чем-то само собой разумеющемся? Ведь они, как правило, никогда не задавали себе вопрос: существует *тот* мир или нет? Они относились к существованию иного мира точно так же, как к существованию

мира физического. Для всех них это был процесс *последовательного* развития человеческого организма в других условиях. Вопрос «Веришь ли ты в потусторонний мир?» – это уже реалии более позднего времени.

Случилось так, что человечество стало развиваться эволюционно только «вовне», но не «внутри себя». И призыв Сократа «познай самого себя» сегодня уже никому не понятен. Древние не просто *верили* с чьих-то слов, а *знали*, потому что имели развитый внутренний мир, мир души. И у них были *Элевсинские мистерии*, которые по своему *духовному импульсу* намного превосходили таинства христианской Церкви. А мы этого мира уже не имеем, и поэтому в состоянии только «верить» или «не верить».

Ведь и все наши атеисты, они, как и обычные верующие, тоже *верят*, но в противоположное, – *верят* в то, что Бога нет. И этим гордятся. А иные из них даже считают это достоинством и несколько свысока смотрят на обычных верующих. Но при этом не обладают *никакими* доказательствами *своей* веры. А если бы действительно имелись какие-то *реальные* доказательства, в таком случае все бы, как и они, тоже перестали верить в Бога. Потому что дураков на планете нет.

Это как если бы человек, проживший в пустыне всю свою жизнь, стал яростно заявлять, что «большой воды» (океана) не существует. И ведь он будет искренен в своем убеждении. В нашем случае – то же самое: атеисты просто не виде-

ли «океана». Атеизм – это нечто психологически подобное. Современный европейски образованный человек – это «камбала», имеющая в своем воображении единственную «плоскость» с глазами на одном боку. И при этом такая камбала абсолютно уверена в том, что она – правильная, а ее приятель – морской окунь или судак из нашего Куршского залива, – который видит мир «объемно», – нет. Беда современной цивилизации заключается в том, что сегодня подавляющее большинство всех жителей земли – это «камбалы», а не «судаки».

И ведь никакая всемирная наука, со всем ее техническим прогрессом, до сих пор не сумела доказать, что существует только наш земной мир. И это притом, что потрачены неимоверные усилия для получения такого доказательства. Все то, что существует в памяти человечества в качестве необъяснимых явлений, замалчивается и отводится на второй план. Религию эта наука серьезно не воспринимает, – она ее просто не в состоянии понять, потому что не доросла до нее своим духовным возрастом. Можно быть убежденным сединой профессором многих университетов, но при этом *духовно* ходить в памперсах под столом, не имея даже необходимости наклонять свою головушку, чтобы не стукнуться ею о край столешницы. Мы превратились в «животное человечество», и даже бравлируем таким состоянием своей науки и образом жизни. И это несмотря на то, что то тут, то там слышится «писк» какого-то научного деятеля самого уважаемого ран-

га, который вдруг заявляет, потирая свой вспотевший от напряжения лоб, что в соответствии с его чисто научными выкладками иной мир, кроме нашего физического, может существовать.

И ведь никто не требует, что «давайте-ка будем *верить*». Главное для любого разумного человека – это *истина*, *алет^hейя*, то заветное слово, которого не имеет в своем лексиконе английский язык и весь англоязычный мир. Так уж получилось исторически, что слово “*sex*” в этом языке имеется, а слово «истина» отсутствует. А у нас, русских, наоборот: слово «истина» есть, а слова “*sex*” нет. И думается, мы здесь в выигрыше.

В сентябре 2012 года (19.09.12) на сайте *Би-би-си* было опубликовано сенсационное научное открытие. Преподаватель богословия Гарвардского университета Карен Кинг, исследуя коптский папирус, датируемый IV в. н. э., заявила, что «ученые сумели распознать фразу: “Иисус сказал им: Моя жена...”. По мнению Кинг, возможно, речь идет о Марии Магдалине. Подлинность документа подтверждена несколькими экспертами».

И какова же была официальная реакция традиционных богословов на это известие, исходящее от их же «научных собратьев»? Эти «богословы» сделали все для того, чтобы скомпрометировать это сенсационное для всего мира открытие, – так, чтобы любое упоминание о нем было опущено в «вечный покой». Как следует из того же источника: «Неко-

которые богословы восприняли документ со скепсисом. “Слова на куске папируса ничего не доказывают. Это не что иное, как фраза, произнесенная в пустоту, без определенного контекста”, – заявил профессор и баптистский пастор из американского штата Теннесси Джим Вест».

Боже мой! Что там случилось, в этом «научном» мире! Всеобщий переполох. И неизвестно, где она сейчас, эта бедная женщина, и жива ли она вообще? Или уже поменяла свой пол и стала «мужчиной», чтобы спокойно продолжать научную работу. А ведь она своей находкой только подтвердила ту очевидную *истину*, которая явственно проступает сквозь весь канонический евангельский текст и выпукло прослеживается во всем мандейском Писании.

Да, но как в таком случае поступить с монашеством? Вопрос, и не малый. Проблема монашества в качестве идеала человека, ищущего *истину*, полностью отрицает все то, о чем мы планируем рассказать читателю. И судьей для нас в этом споре будет всё то же *Евангелие* с его «мистериями». Мы остановимся, причем, очень понятно, популярно и безо всякого занудства, на его греческом тексте.

Читающие эти слова богословы задумаются и глубоко-мысленно изрекут: «Да, но ведь Христос проповедовал на арамейском, а не на греческом». Я с этим готов полностью согласиться, но как в таком случае поступить с троекратным вопрошанием Иисуса из *Евангелия от Иоанна*, о котором мы недавно вели речь? Ведь в арамейском языке, как и в рус-

ском, для понятия «любить» существует только один единственный глагол. Или все эти «разные» слова Христа придумали какие-то «сочинители», а не он сам, или не Иоанн, который вроде бы написал это *Евангелие*?

А как нам поступить со словами *лего* и *лалео*? Или упаковать оба эти слова в привычное для всех народов мира «говорить»? А на каком языке разговаривал Пилат с иудеями и с самим Христом? Или Пилат, сидя в Риме, специально изучал арамейский язык перед своим назначением? Но никакой знатный римлянин не стал бы опускаться до того, чтобы изучать язык подчиненных ему «рабов». Именно рабы будут изучать язык знати. Что и случилось, например, с русским дворянством, «родным» языком которого был французский. Ведь в поэме «Евгений Онегин» знаменитое признание в любви Татьяны, ее письмо к Онегину, как это сказано там же, было написано по-французски, а Пушкин его для читателя только «перевел».

Но может быть к «великому» Христу был приставлен специальный переводчик, который не показан в тексте? Слишком много чести, — мы не в сегодняшнем «демократическом» мире пребываем, когда читаем *Евангелие*. При таком почтительном отношении его бы ни за что не распяли, как раба: на *столбе* и без набедренной повязки.

У меня есть «тысяча» подобных доказательств, взятых из евангельского текста, которые прямо свидетельствуют о том, что греческую речь Иисуса передать арамейским язы-

ком невозможно. Точнее, конечно, это возможно, но с утратой смысла сказанного, что и происходит при переводе на все европейские, и не только, языки. Но и разговор самих иудеев, наблюдающих казнь и услышавших возглас Христа на кресте «*Элои, Элои! ламма савахвани?*» (Мк. 15:34; см. также Мф. 27:46: «*Или, Или! лама савахвани?*»), свидетельствует о том, что они арамейского языка не знают. «Илию зовет» (Мк. 15:35) – рассуждают они, путая имя пророка Илии (*Илияху, Элияху*) с именем Бога *Элохима* (*Эль, Эли, Элои*) и не понимая смысла сказанного Иисусом на арамейском языке. При этом сослаться на то, что они что-то не расслышали, было бы необъективно: они стояли рядом с крестом, и только женщины – «на отдалении», потому что осужденных казнили безо всяких «набедренных повязок». Реальный назарей Иешуа проповедовал у евреев на греческом языке, который был повсеместным языком общения во всем восточном средиземноморье. Точно так же, как русский язык знали все народы великого СССР. Хотя через 100 лет этого уже помнить никто не будет, и подобное утверждение будет казаться фантастическим.

Да, действительно, родным языком Иисуса был арамейский язык. Потому что Иисус был назареем у мандеев. У этого народа существовала строгая духовная иерархия. Иудей мог принять веру мандеев и стать членом этого народа, но при этом он не мог стать назареем, чей ранг был потомственным. То есть иерархия этого народа была такой: иудей, став-

ший мандеем, далее – просто мандей по своему рождению, и, наконец, на недостигаемой для иудея и простого мандея высоте – назарей, посвященный в тайны *назируты*.

Иисуса изгнали из мандейской общины, считая его «извертившим веру». Его вина состояла в том, что он, во-первых, *разгласил* евреям, пусть и частично, назарейское учение (это наглядно видно из евангельского текста, если сравнивать проповедь Христа с основами *назируты*). Далее, он фактически *упразднил* очень сложный мандейский обряд *масикта* (богослужение для «вознесения» души умершего мандея в «миры Света»), заявив, что спасение человека не в этом искусственном обряде, а в том, чтобы, проживая на земле, привести свой внутренний мир в гармонию с изначальной божественной природой человека. Но при этом саму суть или главную идею назарейского обряда *масикта* он не искажил.

И в-третьих, именно Иисус впервые заявил, что тот *Дух* (по-мандейски *руха*), который мандеи ненавидели как прислужницу и главное действующее лицо иудейского Бога *Адо-на* (именно так именовали иудейского Бога мандеи; он же, по их представлениям, – «Солнце»), может стать *Святым* и принести человеку спасение. И только поэтому евангельский Иисус говорит следующие слова: «*Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Свя-*

того, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12:31, 32).

Все мандеи этот *Дух* хулили и ненавидели. Назарей же Иисус заявляет, что можно хулить его самого, Сына Человеческого (это стандартное мандейское словосочетание, фигурирующее в их Писании), но хула на *Дух Святой* закрывает для любого человека путь к *Мирам Света*, то есть единственный путь к спасению. И это не просто громкие слова: без участия «мандейской» *рухи* (или иудейской *руах*, что является тем же самым; этот «дух» существует в каждом народе мира, ибо духовная природа человека везде одинакова) в принципе невозможно то спасение, о котором вся евангельская проповедь Иешуа.

Дух – это *Руха*, это «Женщина» (мы это скоро покажем читателю), а без непосредственного участия женщины мужчине спастись невозможно. Для любого верующего иудея новозаветного времени выражение *Дух Святой* или, что то же самое, Святая *Руах* – это нечто вызывающее многие вопросы. Для иудея Дух не мог иметь приставку «Святой», точно так же как абсурдно выражение «Святой Бог». Разве может существовать «не святой Бог»? Бесспорно то, что Бог всегда свят, несмотря на то, что порой делает, как нам кажется, когда мы читаем *Ветхий Завет*, не совсем святые дела.

По иудейской книге *Бытие* *Руах*, является божественным со-Творцом не только мира земного и райского, но и того, который ему предшествовал. Но если мы заявляем, что суще-

ствуует *Дух Святой*, то это автоматически означает, что также есть и какой-то другой дух – уже не Святой (это наглядно видно в евангельском тексте). Для иудея такой дилеммы существовать в принципе не могло. Конечно, после появления проповеди этого назарея и позднее – евангельского текста, многие представления изменились и в самом иудаизме.

Для мандеев иудейская *Руха* – мать «Семи (планет)» – вместе с еврейским Богом *Адона* (так мандеи его именуют) – это такие же их враги, как, например, у зороастрийцев *Анхра Майнью* (Дух Зла) это злейший враг их Бога *Ахура Мазды* (Господь Мудрый, иначе, Духа Добра, *Спента Майнью*). По представлениям мандеев именно эта общая для всего мира людей «двоица», которой поклоняются иудеи – *Адона* и *Руха*, – является главным препятствием для достижения человеком *Миров Света*.

По иудейскому Писанию Богом, сотворившим *первоначальный Свет*, является *Элохим*. При этом читатель должен понимать, что только после этого были созданы дневное и ночное светило – солнце, луна и звезды. Так утверждает текст Книги *Бытие*. Для лучшего понимания этого момента объясним, что это равносильно тому, что, например, у нас на земле уже существует дневной свет, а потом создается электрическая лампочка, которая тоже светит. Именно такое соотношение в Писании между первоначальным *Светом* и светом солнца и луны, если понимать текст буквально. Но и по мандейским представлениям Свет их *Миров Света*, и свет

солнца – это разные «светы», а следовательно, по представлениям мандеев, иудейский Бог *Адо́на* («Солнце») – это, если выражаться образно, только «лампочка».

И именно создавшего первоначальный *Свет* (по Писанию иудеев) Бога *Элохима*, чтобы быть хоть как-то понятным иудеями и чтобы не противоречить их Писанию, назарей Иешуа проповедовал в качестве «Бога Отца». А «полезный» для человека иудейский «дух» – именно для того, чтобы отличить ее от «обычной» отрицательной *рухи* мандеев и *руах* иудеев, – он называл Духом *Святым* (то есть, «отделённым»). Потому что именно этот Дух, ее высшая «отделённая» составляющая, в отличие от «отрезанной» нижней части, которая поглощена земными заботами, страстями и развлечениями жизни, – должен (должна) стать неотъемлемым элементом спасения муже-женского единства, воплощенного в реальность уже на земле. Задача любого назарея – его главная духовная внутренняя задача – в том, чтобы искоренить в себе эту изначальную, низшую «Мать» (*руха*) и утвердить исключительно «Отца», который представлен в каждом мужчине в виде его души-*нишиимты* («частицы света»).

Дорогой мой читатель, если после таких наших предварительных рассуждений у тебя что-то пока «не сложилось в голове», тебе не следует беспокоиться: по мере прочтения книги всё встанет на свои места.

Пусть читатель почитает мандейские тексты, опубликованные леди Дровер в первой половине прошлого века, и

сравнит их с евангельскими речами Христа, его поведением, манерой речи, оборотами, художественными сравнениями, каноническими мандейскими речевыми штампами: Иисус – это стопроцентный *назарей*, пересаженный в художественный текст *Евангелия от Матфея* талантливым иудеем, дополнившим многие слова этого проповедника выписками из иудейского Писания и превратившим этого великого представителя мандейского народа в образ иудейского *Машиаха*. Все эти цитаты или выписки находятся как будто «на своих местах» по той причине, что и сам назарей Иисус старался проповедовать, оставаясь в рамках иудейского Закона.

Для чего мы все это говорим? Для того чтобы читатель понял, что Иисус – это не «миф» и не собирательный образ, облеченный в божественную Ипостась. Он когда-то жил на земле, как реальный человек, который хотел донести до своих слушателей открывшуюся ему *Истину* (жаль, что этого слова нет в англоязычном мире!). И именно так следует понимать слова этого проповедника всем тем, кто читает настоящую книгу.

Хочу и здесь сделать примечание. Сочинитель иудей в своем художественном *Евангелии от Матфея* уготовал Иисусу смерть через Распятие, представив его в виде еврейского *Машиаха-Мессии*. Опять-таки скажем, что в соответствии с текстом недавно найденного в Египте *Евангелия от Фомы* однозначный вывод о том, что исторический Иисус был распят, сделать нельзя. Этот текст – самое древнее из-

вестное нам *Евангелие*, в котором около 40% всех высказываний Иисуса дублируется в каноническом тексте. И для исследователя важно то, что этот текст не правился Церковью, как все другие.

Так вот, в этом *Евангелии* нет ни одной ссылки на то, что Иисус был распят и уже воскресший беседует со своими учениками. Точно так же, как он ни разу не назван Христом или Мессией, потому что реальный назарей Иешуа на роль Мессии никогда не претендовал, а проповедовал у иудеев свое открывшееся ему знание о Царстве Небесном. Более того, если бы он действительно был распят, об этом бы обязательно упоминалось в мандейском Писании. Мандеи в своих текстах сообщают, что Иерусалим был разрушен римлянами в наказание иудеям за то, что они изгнали из этого города всех мандеев, поубивав их многих священнослужителей. И в таком случае обязательно присутствовало бы добавление, что *лже-Мессия* (*Мишха* по-мандейски) понес справедливое наказание за свое отступничество от веры и переход к иудеям.

Давайте подробнее остановимся на вопросе «креста». В *Евангелии от Фомы*, *логий* 60 (55), перевод М.К.Трофимовой, Иисус заявляет: «И тот, кто... не понес свой крест, как я, не станет достойным меня». Других упоминаний «креста» и «распятия» здесь нет. Это высказывание понимается современным читателем превратно, и нам следует обратиться к истории этого стандартного средиземноморского крыла-

того выражения. Русским словом «крест» переводится греческое слово *ставрос*, а это, по-гречески, – просто «столб» в виде обструганного ствола дерева или (мн. число) «частокол» в виде изгороди из таких столбов. В греческом языке не существует слова «крест» в качестве какого-то «перекрестья» (из двух бревен, досок или чего-то еще), потому что такая конструкция из дерева никогда не использовалась в чистом виде.

Римская казнь в виде распятия человека на таком столбе-*ставросе* («кресте») предназначалась только для рабов. Римского гражданина запрещалось казнить таким изуверским способом. По краям дороги вкапывались столбы с висящими на них голыми людьми. Никаких «набедренных повязок»! Во время казни руки поднимались наверх и запястья прибивались к верхушке столба, ступни тоже прибивались. Прибитый человек висел на своих руках, пока не задохнулся. Если ему удавалось как-то продлить свою жизнь, удерживаясь телом на вбитый в ноги гвоздь, ему через какое-то время перебивали колени, и он повисал, задыхаясь, на своих руках. Всё – исключительно просто и без лишних затрат. Все «по-римски». В особых случаях в середину столба вбивался поперечный клин, – так, чтобы распятый человек как бы «сел» на нем. Это делалось для того, чтобы приговоренный к смерти умер не сразу – не сразу задохнулся, – а дольше мучился. Для приговоренных к смерти не предусматривалось такого «излишества», как дополнительная поперечная балка

для рук.

Итак, *ставрос* – это не крест, а простой столб. Такой столб обычно нес на своей спине к месту казни приговоренный человек. Он нес «свой столб», или, в традиционном переводе на русский язык, – «свой крест». Именно это несение тяжелого бревна к месту своего окончания жизни и стало своего рода прообразом тягот и лишений в жизни любого человека, – стало притчей. «У каждого свой крест» – говорим мы. «У каждого свое бревно на спине», если точнее понимать это древнее выражение. И это вовсе не означает, что каждый из нас будет распят на этом бревне. «И кто не понес свое бревно» – так буквально говорит Иисус в *Евангелии от Фомы*, имея в виду именно это. А следовательно, праздный и богатый человек никогда не достигнет той цели, которую ставит перед человеком Иисус.

Мы можем сделать некоторые предположения, анализируя эти слова Иисуса. Нет сомнения в том, что авторы канонических *Евангелий* при создании своих текстов использовали, в том числе, текст *Евангелия от Фомы*. И по своей форме, и по содержанию, и при сравнении подобных высказываний Иисуса, – по всему видно, что это *Евангелие*, появившееся раньше канонических, стало для них одним из важных источников. И возможно именно эта фраза Иисуса о «кресте» натолкнула евангелиста-иудея на мысль, что подобное «художественное произведение» лучше всего завершить смертной казнью Мессии.

Как увидит читатель позднее, в такой концовке был свой, причем очевидный, резон. Потому что эти тексты (но не *Евангелие от Иоанна*) были написаны с той целью, чтобы заново сплотить еврейский народ после окончательного разгрома Иерусалима и утраты многими иудеями веры в своего небесного защитника – Бога **Яхве**. История посмеялась над авторами синоптических *Евангелий*: эти тексты действительно способствовали сплочению иудеев, но уже исходя из идеи яростного отторжения этих текстов от всего того, что имело отношение к иудаизму. *Евангелия* привели к появлению идейного противника в виде христиан. А наличие противника всегда сплачивает.

Но вернемся к словам Иисуса о кресте и о нашем понимании этого выражения. Ведь это сказано не в канонических *Евангелиях*, а в *Евангелии от Фомы*, которое не редактировалось Церковью. Какие же у этого проповедника были «страдания» и в чем заключался его собственный «крест»? Отвечаем. Назареи изгнали его из своего сообщества, – он стал изгоем в своем народе. Ему запретили проповедовать то, что открылось, как «божественное знание». Только поэтому он пошел проповедовать к иудеям, которые в то время жили в Иерусалиме «вперемешку» с мандеями. Но даже из евангельского текста видно, что и среди иудеев ему жилось не сладко: приходилось изворачиваться, чтобы не нарушать иудейский Закон. Но даже в этом случае иудеи часто хватались за камни, чтобы его убить.

Иудеи и мандеи первоначально были такими же родственными народами, как русские и украинцы. И при этом все они очень толерантно относились к верованиям родственного им народа. Принципиальное различие в их мировоззрении заключалось в том, что если евреи всегда мыслили свое существование преимущественно в рамках земных категорий: благополучие, богатая жизнь, много сыновей, которые являются опорой отца, спокойное существование, то мандеи – это люди *духа*. Так сказали бы мы, если бы этот «дух» мандеями не ненавиделся. Мандеи – это народ, всю жизнь алчущий спасения из земного «мира *Тьмы*» (мира Бога *Адона*) в *Мирах Света* инобытия. Другого такого духовного народа – чистого, светлого и даже по-детски наивного (это нашло отражение в облике евангельского Христа) – человечество, наверное, никогда не знало. И поверх этой «детскости» – глубочайшая мудрость, не отрицающая нашего земного бытия.

Итак, в чем заключался собственный «крест» Иисуса? Ученики Христа были бездарны и абсолютно не понимали духовной сути его бесед и того духовного пути, который он всем предлагал. Просвещенный иудейский «начальник», который выведен в евангельском тексте *Иоанна* под именем Никодим и который благоволил к Иисусу, – он тоже ничего не понимал. Не понял даже в общем-то не такое уж сложное разъяснение Иисуса о том обязательном условии, которое необходимо иудею для получения Царства Небесного, – «родиться свыше». Об этом скажем позже.

Но при этом все без исключения евреи, включая его учеников, были уверены в том, что Иисус – это «революционер», который возглавил борьбу иудеев за свободу от римского владычества и который собирается установить земное «Царство Небесное» в Иерусалиме. Поэтому и поругались на пути к Иерусалиму его лучшие ученики, Иаков и Иоанн, братья Зеведеевы, «сыны громовы» (Мк. 3:17), за то, кому из них сидеть от «царя» Иисуса «по правую сторону», а кому «по левую сторону» в этом земном «Царствии» (Мф. 20:21). По этой же причине и Петр его предал: ведь он был абсолютно уверен в том, что Иисуса не возьмут в Гефсимании, – что вдруг появится ниоткуда взявшийся «полк ангелов» и спасет его. И когда он увидел, что Иисуса взяли как обычного преступника, – что он не Мессия, тогда... стоит ли отдавать за *такого* свою жизнь? Но и все его ученики, напившись вина, захмелели и уснули в саду. А когда протерли глаза и увидели стражу, – все разбежались, как «овцы» (Мф. 26:56). И чего уж тут ссылаться на Писание?!

Но и «знаменитый» Иуда, который указал страже на Иисуса при его аресте, – он тоже раскаялся только по той причине, что ошибся в Христе. Сначала он думал, что Иисус – это трус и лжец, который побоялся возглавить борьбу евреев за независимость, – и только поэтому указал на него страже. А потом сообразил, что это всего-навсего слабый невинный «мечтатель», у которого и в мыслях-то не было «спа-сать» Израиль. Поэтому и сказал иудеям в Храме: «Согрешил

я, предав кровь невинную» (Мф. 27:4). Поэтому и бросил им под ноги те «сребреники», которые от них получил. Поэтому и повесился как человек, знающий, что такое *совесть* и что такое *честь*. И надо отметить, что при всей своей «революционности», он повел себя гораздо более достойно, чем все другие ученики Христа, вместе взятые. Иуда – это самый благородный ученик из всей этой «когорты» рыбаков. Когда он увидел, что Родину спасти уже нельзя, – ему и жизнь на земле стала постылой. Возможно, что такое описание событий придумал сам евангелист, но скорее всего это явилось отражением какого-то реального поведения иудейских учеников назаря Иешуа. От этого суть дела не меняется.

Но и с родителями Иисуса тоже далеко не все ясно, если продолжить разговор о его «кресте». Об этом свидетельствует и текст канонических *Евангелий* (начальные главы *Евангелия от Луки* дописаны иерархами Церкви позднее), и текст *Евангелия от Фомы*, и даже иудейский пасквиль *Тольдом Иешу*. У Иисуса не было *ни одного* близкого человека на всей земле, к которому он мог бы «*приклонить свою голову*» (Мф. 8:20). Даже его родные братья и сестры тоже были в стороне от него. И приходится признать, что если и существовал кто-нибудь, кто ему искренне сочувствовал и его искренне жалел, так это близкие к нему женщины. А мы спрашиваем, в чем его «крест»?

Вопрос крестной смерти назаря Иешуа («Христа») – это предмет искренней веры любого христианина. Без этого со-

бытия все евангельское повествование рассыпается, и теряет свое *истинное* зерно. И если не было Креста, как в таком случае говорить о *Воскресении из мертвых*? Как праздновать Пасху? Несомненно, следует признать, что это великое для верующих событие сохранила в истории человеческая память, и что вряд ли могло произойти такое, чтобы оно было выдуманно «писателем» Матфеем на пустом месте. Конечно, он придумал, что Христос – это иудей и Мессия, а не назарей, как это было на самом деле. Но следует признать, что, скорее всего, этот назарей был распят как виновник волнений в иудейском обществе. Скорее, даже не распят, а казнен как-то по-другому. Возможно, побит камнями. И уже отсюда – его *Воскресение*.

Но даже если и распят, то не на кресте, а на столбе. Само понятие «крест» родилось в христианстве позднее. В первое время среди христиан в качестве символа смерти Христа был популярен древнеегипетский знак *жизни* – иероглиф *анх*. Понималось это так, что Христос был убит, но не умер, а обрел жизнь, как «новый» египетский *Осирис*. *Анх* – это один из самых почитаемых и узнаваемых иероглифов цивилизации Древнего Египта. Он представляет собой русскую заглавную букву «Т» (то есть, почти крест), к верхней перекладине которой, прямо по центру, присоединено небольшое кольцо (или вытянутая вверх петля, или вертикальный овал), которое и является той «ручкой», за которую этот символ жизни держат боги Древнего Египта на барельефах и

древних рисунках. И только после этого периода у христиан – по мере отмирания языческого прошлого – появился сначала «Т-образный» крест, а затем уже тот общепринятый «крест», который мы знаем. Вообще же, сам крест, как *символ жизни*, был издавна распространен во всех частях света, и берет он свое начало чуть ли не от той Атлантиды, которую описал Платон.

И поскольку мы уже прикоснулись к тексту *Евангелия от Фомы*, немного продолжим тему *мистерии*, которая присутствует в этом тексте. В *Евангелии от Фомы*, как и в синоптических, слово «мистерия» упоминается только один раз, причем, в достаточно поврежденном *логии* 66 (62). Но при этом сама суть мистерии *предельно* ясно раскрыта в *логии* 1 (2):

Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и когда он найдет, он будет потрясен, и если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем (перевод М.К.Трофимовой).

Иисус требует от человека: «*Пусть человек не перестает искать*» то, для чего он живет на земле, для чего он призван на эту землю.

О евангельской мистерии Царства Небесного, в которой принимает участие уже сам Иисус, и содержание которой мы будем разбирать позже, сказано в *логии* 18 (17):

Иисус сказал: Я дам вам то, что не видел глаз, и чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека (перевод М.К.Трофимовой).

Именно «Я дам», а не кто-то другой, – так говорит Иисус. Читатель сможет понять эти слова Христа после того, как прочитает всю книгу. Подлинная мистерия – это «потрясение» и «удивление». И это в полной мере понимает тот человек, который пережил такое событие в своей жизни.

Мистерии (продолжение I)

Начинается у человека всё с его *сердца*. Именно с того самого *своего* сердца, о котором все мы знаем. В Библии прямое указание на «мистерию сердца» содержится в псалме Давида (118. 32): «Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты *расширишь сердце мое*». Давид, естественно, обращается к Богу Израиля, к *Яхве*. Понятно, что такое состояние человеческого сердца словом «мистерия» в древних текстах не называется. Выражение «расширение сердца» можно встретить и в древних египетских папирусах – это *ав иб*, что буквально переводится как «расширение сердца», а трактуется как «состояние счастья». И это не далеко от истины. У Давида, который пишет о своем «расширении» уже после египтян, это отнюдь не плагиат, как не является плагиатом, например, чувство любви, которое можно встретить у всех народов мира.

«Мистерия сердца» – это уровень подлинной религии Ада. Христиане совершенно необоснованно полагают, что Ад – это «сплошной ужас». В Древнем Египте это место потусторонней жизни называлось иначе – «Поля *Иару*» («Поля тростника»), и каждый египтянин мечтал о том, чтобы после своей смерти оказаться в этих благих местах, очень напоминающих земную жизнь. Христианского *Рая* египтяне не знали. Получив мистирию «расширения сердца», человек авто-

матически вступает на стезю Духа.

В Древнем Китае эта же самая мистерия словесно формулировалась несколько иначе: *мин синь*, «просветление сердца». Пестованию этой мистерии, созданию благоприятных условий для ее реализации, были посвящены духовные практики династий *Шан-Инь* и того Раннего *Чжоу*, аристократы которого научились этому искусству у побежденных ими *иньцев*. Практические учебные тексты-стихи до настоящего времени сохранились в знаменитой китайской *Книге Песен* (*Ши цзин*), но они уже давно понимаются и переводятся совершенно неправильно по причине отсутствия этого опыта у переводчиков и толкователей. Читателю следует понимать, что перевод этих древних китайских текстов на современный китайский язык по своей сложности ничем не отличается от перевода на язык европейский. Древние китайские иероглифы это такая странная вещь, что очень многое зависит от правильного понимания смысла рисунка. А в таком искусстве никакое знание современного китайского языка не помогает. В первую очередь необходимо иметь аналогичный духовный опыт.

После заката Раннего *Чжоу* в Китае нашелся один человек – *Кун фу цзы*, который сумел понять эту духовную практику древних. Конфуций ее реализовал собственным опытом и попытался этот чудесный опыт возродить в обществе. Правильнее сказать так, что сначала Конфуций этот опыт *просветления сердца* неожиданно для себя самого получил,

и только после этого он смог отождествить свой личный опыт с описанием в тех древних текстах (нанесенных на внутренних стенках ритуальных бронзовых сосудов), которые он изучал, посещая различные храмы. Порядок осознания этого опыта в его время мог быть именно таким, но не обратным.

У Конфуция, как и у Христа, были свои ученики. Он подробно объяснял им эту практику, как и Иисус, который говорил ученикам о Царстве Небесном. Причем, Конфуций, как и Христос, не говорил все открыто, а учил как бы притчами, «вокруг да около». Но при этом делал упор на сами древние иероглифы, рисунок которых должен был все объяснить тому человеку, который находился рядом с таким знанием. И Конфуций, и Иисус, прекрасно понимали, что нельзя положить духовное знание «на ложечку» и дать его ученику: это не в человеческих силах. Ученик должен дойти до этого знания правильным развитием своего внутреннего мира.

К сожалению, ученики Конфуция оказались такими же бездарными в духовном отношении, как и ученики Христа. К этому времени народ Китая принципиально изменился. Именно в это время в Китае произошла невидимая социальная революция, связанная со стремительным переходом к новому жизненному укладу, к прогрессивным орудиям труда и иному производству. Новые условия жизни выдвинули на передний план уже другой тип человека, – такой народец, который был ловок в торговле и денежных сделках и для ко-

торого были безразличны подобные «отвлечения от жизни». Ученики Конфуция, как они сами себе это представляли, учились у него искусству занимать важные государственные должности, а не каким-то отвлеченным духовным наукам, которые не имеют никакого отношения к карьере. Конфуций такому пониманию учебы не противился, тем более что в таких рассуждениях тоже была доля истины. И иногда задумываешься о том, что практика *мин синь* была достижением совершенно другого этноса, которого в Китае уже давно нет. Тот читатель, который действительно интересуется этим вопросом, может ознакомиться с книгой автора «Конфуций и *Вэнь*», которая находится в открытом доступе в интернете.

Что же это такое, египетское «расширение сердца» или китайское «просветление сердца»? Это одно из самых светлых, радостных и очаровательных состояний, которое может испытать живущий на земле человек. В каком-то отношении это – очаровательная фантазия прекрасной молодости, еще не отягощенной земными проблемами. И она в чем-то немного детская. Это подлинная заря *духовной* любви, и не удивительно, что она сродни нашей прекрасной первой любви в жизни земной. Это чувство – «свое», оно исключительно личное, оно замкнуто на человека и касается только его одного. Эта мистерия приходит неожиданно и внезапно – вдруг! – но при полном осознании и контроле своего поведения, эмоций и направления внимания.

Это – «мистерия сердца», *живого* сердца. Оно вдруг *просыпается*, начинает ощущаться как бы «отдельным» от человека, но живущим внутри него. Как будто кто-то другой поселился в моей груди. И одновременно этот «другой» – мой, это тоже я *сам*. Мое сердце как будто начинает жить своей автономной жизнью. Его пробуждение всегда неожиданно и несет необъяснимую радость и даже состояние счастья для этого человека. Жизнь наполняется каким-то новым смыслом, становятся видны совершенно новые горизонты, о которых раньше даже не догадывался. Мир становится объемным. Человек начинает постоянно прислушиваться к «этому месту» внутри себя – к появившемуся сознательному «другому я». Для такого человека родился и стал явным другой мир.

Живое «другое я» – это сердце с *совестью*. С той *совестью*, которая спала и пробудилась окончательно. Мир вокруг такого человека мгновенно преобразается и становится прекрасным и радостным. Все люди вокруг него – добрые и счастливые. Человек как будто неожиданно осознаёт, что вокруг него – точно такие же люди, как он сам, их внутренний мир становится для него впервые открытым. *Совесть* не рождается *вдруг*, как это происходит с осознанием *расширившегося сердца*: она является естественным следствием неожиданного *осознания* своего «родственного единства» со всеми остальными людьми. Человек начинает воспринимать любого другого, как такую же бесконечную «вселен-

ную», как и он сам. Воспринимать бережно, как себя самого.

Безошибочный указатель на получение такой мистерии – это горящие, как звезды, счастливые глаза этого человека. В первые дни он очень похож на «влюбленного по уши» безумца. Скрыть от окружающих это невозможно. И главное внутреннее состояние – это чувство широко расширившейся груди: широко, легко дышать всем воздухом земли! Как будто стоишь на берегу Балтики в районе пустынного пляжа поселка Лесной и вдыхаешь всей своей расширившейся грудью живительный воздух Куршской косы! И внутри *горит*, светит это прекрасное *мое-чужое* сердце, которым я уже не повелеваю, как своей рукой, но с которым счастливо живу вместе. Это – горящее «сердце Данко» из рассказа Алексея Горького. Возможно, это тот самый *атман*, о котором говорят классические *Упанишад*ы Древней Индии. Человек впервые узнаёт самого себя *изнутри*.

Эта мистерия не является «мистерией Рая», но она – предтеча, указывающая на становление человека на путь к райским обителям. Это мистерия Хозяина Земли и Рая, – «второго Бога», если исчислять порядок Богов по иудейской Книге *Бытие*, и «третьего Бога», если считать богов-творцов по космогоническим Гимнам Древнего Египта или по тексту мандейского Писания. Именно этот «второй» Бог иудейского Писания, которого евреи знают как *Яхве*, создал мир земной и мир райский – мир души *ка*, как сказали бы древние египтяне, но не мир души *ба*, который выше по духовной

иерархии.

Обычно под понятием «духовный мир» все религии понимают то же самое: это египетский мир «Полей тростника», то есть мир души *ка*, или зороастрийский мир *меног*, астральный мир теософов, мир китайских духов *шень*, мир *Мишунья Кушта* назареев-мандеев, прекрасные сады *Элизия* древних греков, мир «тонкого тела» индусов, – в каждой религии свое название одного и того же «нижнего» потустороннего мира. Большинство народов земли, (кроме зороастрийцев и мандеев) другого духовного мира, – такого, который пребывает выше «астрального», не знают. Потому что это, все-таки, еще не те *Миры Света*, о которых говорит *Евангелие от Иоанна* и тексты мандейского Писания. Всеё это миры Ада и Рая.

У евреев *Торы* в тексте их Писания такого «тонкого мира» не существует. Они просто верят в то, что их Бог поместит душу каждого еврея в «райские обители» после смерти, если этот еврей во время своей жизни будет пребывать в «ограде *Торы*». Причем, вера в посмертный рай появилась у евреев только после того, как стал популярен евангельский текст или, возможно, после их знакомства с зороастрийской религией. Постоянная скитальческая и беспокойная жизнь этого племени не предоставляла древним евреям благоприятных условий и времени для того, чтобы задуматься над этим важным вопросом своего бытия. Уровень знакомства до-евангельских евреев с посмертным бытием зафиксирован стандартным выражением в их Писании: «И скончался он, и

умер, и *приложился к народу своему*» (Быт. 25:8, 17; 35:29; 49:33). Еврейские мудрецы никогда не задумывались о том, что ожидает человека после смерти. Главным для любого верующего еврея – и это строго в соответствии с их Писанием – всегда было то, что их Бог обеспечит своему народу изобилие и власть в *земной* жизни.

Лично я получил мистерию «расширения сердца» на заре перестройки, в один из солнечных дней, когда сидел дома в кресле и безмятежно читал книгу «Сердце», входящую в *Агни-Йогу* Елены Рерих. И не скажу, чтобы я так уж «зачитался» этой книгой. Но состояние – совершенно невероятное и незабываемое. После такого «взрывного воздействия» уже никакая книга на ум не идет. Ты не понимаешь, что с тобой произошло, – что это, и сколько времени *это* будет продолжаться?

О чем все это свидетельствует? О том, что Учение *Агни-Йоги* тоже истинное и по-настоящему духовное, потому что оно имеет «силу» раскрыть человеческое сердце. Я не знаю, возможно, это была только «последняя капля», но даже это ничего принципиально не меняет. Учение *Агни-Йоги* принадлежит к религиям Ада, и поднять человека на более высокую духовную ступень не в состоянии.

Может ли получить мистерию «расширения сердца» женщина? Вопрос не является неожиданным для того человека, который хорошо понимает, что мужчина и женщина – это «обитатели разных планет». Да, может. Для доказатель-

ства достаточно посмотреть на фотографии ближайшей со-
трудницы индийского философа Ауробиндо Гхоша, – фран-
цуженки Мирры Альфассы (Ришар), «Матери». Следует об-
ратить внимание на ее глаза, когда она уже не девочка один-
надцати-тринадцати лет, а значительно старше. И все станет
ясно. Но при этом напомним читателю, что у Мирры Ришар
было два мужа и ее фамилия Ришар – по второму мужу.

И еще одно маленькое примечание к моему личному опы-
ту. За какое-то время до этой мистерии – возможно, за год, а
скорее всего меньше (точно не помню), – я был в очередном
научном рейсе. Мы совершали переход в район промысла,
шли близко к экватору, было жарко и много свободного вре-
мени. Вся научная группа загорала на баке на самодельных
«циновках», изготовленных из картонной тары для рыбы. Во
время одного из таких загаров я почувствовал прямо посе-
редине груди сильное жжение. Придя в каюту, я обнаружил,
что на этом месте у меня образовалось яркое красное пятно.
Я подумал, что это какая-то экзема от воздействия солнца.
К врачам не обращался и ничем не лечил, а просто мыл с
мылом, когда умывался по утрам. Это пятно не пропадало
многие годы.

Когда я интересовался индийской тематикой и читал био-
графию Рабиндраната Тагора, обратил внимание на то, что
у индусов есть характерный признак, свидетельствующий о
том, что человек поднялся на достаточно высокий духовный
уровень, – у такого «горит сердце». Рабиндранат Тагор рас-

стегивал рубаху и показывал грудь: она была красная. И не только у него одного. Этим даже чуть ли не похвалялись. То есть читатель должен понимать, что подобное явление может свидетельствовать о том, что его сердечная *чакра хридая* стала активной. А следовательно, не стоит рассматривать подобные вещи, как болезнь. Обязательно ли такое бывает перед мистерией «расширения сердца»? Думаю, что вряд ли кто-то в состоянии ответить на этот вопрос.

Еще два слова относительно *Агни-Йоги*. Не надо всплескивать руками и печалиться всем приверженцам этого духовного направления по той причине, что я причислил *Агни-Йогу* к религиям Ада. Подобная констатация факта ставит это Учение на близкий духовный уровень со знаменитыми *Элевсинскими мистериями* Древнего мира. А Элевсин давал своим последователям такие духовные блага, которых не достаивались даже иудеи, религия которых безоговорочно принадлежит к древнейшим религиям Ада.

Религия иудеев – это совершенно особый феномен в нашем человеческом мире. Это религия племени, которое избрал Хозяин Ада и Рая, и которому было обещано земное процветание, изобилие, и становление многочисленным народом. Но только в том случае, если этот народ до конца останется воином Бога *Яхве*. Если приверженец другой традиционной религии, проявив определенные усилия, может увидеть и узнать Рай, еще пребывая на земле (а никакой другой человек после смерти удостоен Рая не будет), то иудеи

такого Рая не знают, но верят обещанию своего Бога, что они всегда будут Его избранным племенем. По этой причине – потому что это *избранное* воинство хозяина Ада и Рая – религия иудеев по своей исходной сути закрытая: иудей не вправе нарушить заповедь Бога и принять в свое сообщество всех желающих.

Имя еврейского Бога, которое зафиксировано в Пятикнижии Моисея, – *Яхве*. На иврите это *тетраграмматон* – «четырёхбуквенное» *йод-хей-вау-хей*. Считается, что правильное произнесение этого имени обладает магической силой, и оно было известно только первосвященнику Израиля. Такое утверждение имеет под собой основание, потому что в библейском иврите, как и в египетском языке, отсутствует фиксация гласных, то есть при создании какого-либо текста записывались только согласные. Это не вызывало особого неудобства у читающего человека, родным языком которого был иврит: при такой записи гласные легко восстанавливались мысленно и слово прочитывалось так, как оно произносилось в живой речи. Но если это слово было чужеземным или не использовалось в повседневной практике, его произношение было неясным. И все это в полной мере относится к произнесению имени еврейского Бога.

Но вот что интересно. У любого любопытного исследователя может возникнуть естественный вопрос: каковы подлинные корни этого реального имени? Ведь большинство известных науке имен Богов имеет, как правило, кон-

кретную этимологию. Причем, основатель иудаизма Моисей был вполне нормальным человеком, обладающим присущей всем нам психикой и способностью мыслить. Это, бесспорно, глубоко верующий человек, в принятии решений которого, как и у всех нас, активную роль играет подсознание. И он просто не мог «расслышать» в имени этого Неземного Существа какую-то бессмысленную абракадабру. Более того, сам Бог, обращающийся к человеку, если этот Бог действительно является сознательным Существом (а в данном случае это именно так), не может сообщить этому человеку такое свое имя, которое бы не показывало его бесконечное превосходство над человеком. Также ясно, что это тайное имя впервые открылось именно Моисею, хотя в эпизоде с нестгорающим кустом терновника (Исх. 3:14) Бог **Яхве** называет себя «Сущим» («Я есмь Тот, Кто Я есмь»; перевод И.Ш.Шифмана).

Рассуждая логически, это имя должно было отразиться в сознании Моисея в каком-то известном ему понятии. Второй обязательный момент наших рассуждений следующий. Моисей *с младенчества* воспитывался в семье египетского фараона. Высказывались даже предположения, что он был египтянином, а не евреем. Родным языком Моисея был египетский. Более того, иудеи, как полноценная нация, сформировались только после своего Исхода, причем, из разных национальностей, принявших в нем участие. А следовательно, истоки имени иудейского Бога логичнее всего искать в египетском языке, который был не только родным для само-

го Моисея, но который являлся языком самой передовой цивилизации всего человечества. И нет ничего удивительного или унижающего достоинство какой бы то ни было нации в том, что все окружающие народы смотрели в сторону Египта с восхищением и учились у него уму разуму. И мы в данном случае имеем в виду не какие-то «передовые технологии» Египта или его сильную армию, а абсолютное превосходство в духовных науках, о чем свидетельствуют мистерии *Осириса*.

Перейдем к следующему звену цепочки наших рассуждений. Да, действительно, в Египте было много разных богов, причем, часто даже диковинных и отвратительных для чужеземца. Но при этом всегда существовал их главный Бог, который с любовью воспринимался не только самими египтянами, но и многими окружающими народами. Это был Бог *Ра* или «Солнце», – Бог Солнца. Причем, если *Ра* был, в какой-то степени, абстрактным понятием, то, например, тот Бог *Атон*, всеобщее поклонение которому пытался ввести в Египте фараон Эхнатон, впервые установивший на земле единобожие (пусть и на короткий период), – это уже реальный «солнечный диск» (таков перевод этого египетского слова), который протягивает к человеку свои теплые лучи-«ладошки». Так мы видим это на барельефах времен правления Эхнатона. Иногда этот Бог в своих лучах, протянутых к Эхнату и членам его семьи, держит «руками» символы жизни – «кресты» *анх*. Любой живущий на земле человек с

положительными эмоциями воспринимает теплые лучи царящего в небе Светила.

При этом вспомним, что мандеи считали – и это зафиксировано в их Писании, – что иудеи поклоняются Богу *Адо́на* (в переводе «господин», «Господь»), который иначе трактовался мандеями как «Бог Солнца» или просто «Солнце». А «напарница» этого Бога – *Руах* («Дух») – именовалась ими «матерью Семи», то есть семи видимых на небе планет, включая Луну. Следовательно, по мнению мандеев иудеи поклонялись именно *небесным светилам*. И ведь не из головы же своей выдумал такое понимание очень близкий к иудеям народ. А значит, для этого были какие-то веские основания.

В египетском языке существует слово, которое очень напоминает имя еврейского Бога. Это *иаху*. Возможно, *йахв*, потому что сегодня уже никто не знает, как правильно читались слова египетского языка, в которых не было обозначения гласных. Это египетское слово не следовало бы вообще упоминать в наших рассуждениях, если бы не одно важное обстоятельство: оно переводится как «солнечный свет». И в таком случае наша логическая цепочка оказывается замкнутой, то есть верной, даже исходя из той информации, которая дошла до нашего времени в Писаниях разных народов. Мы уже не говорим о том, что Бог «солнечного света» (*Иахв*) – это, фактически, тот же самый египетский Бог *Ра* или *Атон*, который протягивает к людям свои согревающие лучи на египетских барельефах.

Добавим к этому, что египетское слово *йахв* фигурирует в *Текстах пирамид* в качестве *Могущественнейшего* Существа потустороннего мира, пребывающего не небе. По представлениям египтян все небесные светила, включая звезды, — это боги. А.О.Большаков в своей книге «Человек и его двойник» (СПб.: Алетейя, 2001, с. 106) о богах Египта в Старом царстве пишет следующее:

Старшим богом называют преимущественно *Ра*. Старший бог мог иногда иметь эпитет «владыка Запада», присущий обычно *Осирису* (хозяину мира мертвых, — Г.Б.). Из этого следует, что тем самым *Осирис* приравнивался к Старшему богу, к солнцу.

А Бог мертвых — это и есть Бог Ада и Рая. Думается, что в наших рассуждениях мы близки к истине. Бог *Яхве* — это владыка Земли, Ада и Рая. Случай поклонения евреями «золотому Тельцу» (Исх. 32:4) фактически является их поклонением египетскому Богу *Апису* (священному Быку). Как пишет английский египтолог У.Бадж, в Гелиополе быку поклонялись как «живущему богу солнца», а южнее Фив он был «живой душой *Ра*». И это явилось бы естественным продолжением поклонения евреями Богу Солнца, переосмысленного ими на свой лад. Такой вывод можно сделать, если рассуждать логически. Но при этом следует понимать, что Моисей получил подлинную *мистерию*, которая открыла ему *нового*

Бога. Но ведь и Эхнатон тоже получил истинную *мистерию*, которая открыла ему нового Бога – *Амона*. И это несмотря на то, что до этого в Египте уже существовал всеми признанный Бог Солнца – *Ра*.

Возвращаясь уже к «нашим» мистериям, мы должны сделать особый акцент вот на чем. Принадлежность той или иной религии к Аду вовсе не означает, что это религия плохая, религия «ущербная» или недостойная. Подавляющее большинство всех мировых религий – это религии Ада. И это – самые древние религии мира. Этот древний мир стоял по уровню своего духовного развития на голову выше, чем все современное человечество, включая христиан. Потому что любая древняя религия всегда «открывает» человеческое сердце. И это всецело относится к религии Древнего Египта, – одной из самых развитых и великих религий человечества. Иудеи много у египтян позаимствовали, в том числе обряд обрезания и письменность без фиксации гласных.

И вообще, неужели в исполнении призыва Сократа «познай самого себя» присутствует что-то недостойное или ущербное? А это и есть опыт «расширения сердца». И кто из представителей современного человечества может похвастаться тем, что у него «просветлилось» или «расширилось» сердце? Так что смотреть на языческий Египет или иудаизм «сверху вниз» для христианина было бы ребяческим высокомерием.

Ислам – это уже, по своему потенциалу, религия Рая, и

вход в эту религию доступен всем, верующим в Аллаха и его посланника, пророка Мухаммада. Если попытаться как-то соотнести «Богов» авраамических религий с текстом Книги *Бытие* (в русском переводе), то Богом иудеев будет Господь (*Яхве* в версии библейского иврита), а Богом мусульман – Господь Бог (*Яхве Элохим*, который создал Рай/*Эдем*). Ну а у мандеев и у Христа-назаря – это Бог *Света* или Бог Шестоднева (*Элохим*). По греческой версии *Септуагинты* это, соответственно: *Кюриос*, *Кюриос-Т^hеос* и просто *Т^hеос*. Еще раз обратим внимание читателя, что такой перевод имен своих Богов на греческий язык сделали сами иудейские богословы для того, чтобы неконфликтно вписаться в средиземноморский пантеон богов.

Начиная свой разговор о мистериях, мы все-таки должны оговориться и отметить, что все эти мистерии, и даже первая из них – «расширение сердца», – не сваливаются на голову человека безо всяких предварительных «звоночков». Любая мистерия – это дверь, открытая в другой мир, который чаще называют «потусторонним». Все они имеют отношение именно к этому незнакомому для человека миру. Этот мир тоже неоднороден, как и земной: Ад и Рай – это самые известные области одного и того же потустороннего мира. И поскольку человек, с самого своего рождения «одной ногой» уже стоит в этом мире, путь и неосознанно, этот мир не может быть абсолютно враждебным к человеку. Если, как утверждают древние египтяне, у человека существует даже

специальное духовное тело *ка*, которое и предназначено для того, чтобы пребывать в этом мире после смерти тела физического, значит, этот мир не может открыться земному человеку совершенно неожиданно – свалиться на него, «как снег на голову».

Скажу о своем опыте первого знакомства с этим миром. Мы с моим сыном-школьником сидели дома на диване (случилось это уже на Мариупольской), и в очередной раз слушали пластинку с классической музыкой – прекрасной симфонией №40 Моцарта в исполнении Московского камерного оркестра под управлением дирижера Рудольфа Баршая. Я никогда не был особым меломаном, но музыку, включая народные и советские песни, любил с детства. Симфония №40 в этом исполнении мне нравилась больше всех других. Все было как обычно, как всегда. Исполнялась первая часть (*Allegro molto*).

И вдруг, в какой-то неожиданный для меня момент, – именно во время звучания музыкальной фразы, имеющей «неистовую расщепленность», – что-то «треснуло» там, в стороне где была музыка, и... «зашуршало». Стена, необъятная белесая стена между мирами, которая вдруг стала явной для зрения (физического, но может быть духовного?) вдруг медленно проступила, как из миража, в своей бесконечной высоте. Этот неприятный звук расщепления, – стена треснула как-то «зигзагом» и проявилась прямо передо мной, отделяя от меня «музыку», а точнее, ее источник. Послышал-

ся звук, как будто осыпающихся крошек песка или мелкого гравия. В этот момент музыку я уже не слышал.

Стена была на расстоянии двух-трех метров. Образовалась какая-то неровная вертикальная «щель» или «трещина» и из нее дохнуло непередаваемым ужасом. Я явственно осознал, что за этой стеной – совершенно иная, незнакомая мне жизнь. Жизнь абсолютно реальная, но более «титаническая» и напряженная, чем весь здешний мир. Этот ужас невозможно описать человеческим языком. Как будто «осыпалась штукатурка» на месте этой трещины. Я внутренне испугался того, что вот сейчас трещина вдруг разойдется и откроется что-то невообразимо ужасное... Все это произошло очень быстро. И все также мгновенно исчезло.

Я тут же обернулся и спросил своего сына: «Ты что-нибудь сейчас слышал? Тебе ничего не показалось в музыке?». «Ничего особенного» – ответил он, – «все, как обычно». После этого я несколько раз слушал эту симфонию, и каждый раз четко фиксировал эту «ужасную» музыкальную фразу, – то мгновение, во время которого мне открылся «потусторонний мир». Я не сомневался, что именно музыка явилась триггером такого явления. Через какой-то промежуток времени – меньше месяца – эта музыкальная фраза уже не отзывалась особым резонансом в моей душе, а скоро она вообще растворилась в окружающей мелодии. Это странно, но я перестал ее узнавать, как ни старался, и сейчас не знаю точно этого места, хотя по-прежнему люблю слушать симфонию.

Но сама эта противоестественная белесая «стена в мареве» до сих пор стоит у меня перед глазами.

И уже значительно позже, осознав и узнав многое из того, что в то время было для меня загадкой, я понял, почему я так испугался, что «трещина» начнет расширяться, и я что-то увижу или нечто вышедшее оттуда вдруг меня ужаснёт. Там был «Он», тот самый *Он*, – Хозяин Земли.

Я сейчас вспомнил еще об одном случае из этой же области, который, наверное, будет более полезен для читателя, следующего моей дорогой. Если только что описанный – это мой уникальный опыт, то тот, о котором хочу рассказать, скорее стандартный.

Я спал у себя дома в постели вместе с женой. В середине ночи я неожиданно проснулся. Сон сразу улетучился. Жена спокойно спала рядом. В комнате темно. Я чувствую что-то необычное. Что-то не так, как всегда, – там, в коридоре, который находится против моего взгляда. Там тихо, но там кто-то есть, как будто притаился.

Я сел в кровати, опираясь спиной на ее спинку и стену, к которой она была придвинута. Не отводя взгляда от двери в комнату. Тревожное ожидание, потому что я знаю: сейчас что-то должно произойти. И вдруг, в совершенной тишине и абсолютной темноте я вижу, что из коридора начинает исходить какой-то слабый зловещий красноватый свет, который увеличивается в своей мрачной интенсивности. Я прекрасно понимаю, что кто-то медленно «плывет» по коридору в сто-

рону комнаты. Беззвучно. И этот мертвенно-красный свет, его усиливающаяся яркость, отражает это движение.

В таких случаях человек на подсознательном уровне отдаст себе отчет в том, что это – не земное: это не какой-то вор, тайно пробравшийся в квартиру. Это что-то чуждое, не из нашего мира. И это «Оно» безумно сильное, страшное и безжалостное. Его тусклый кровавый свет сейчас открыто выйдет из-за дверного проема. Удивительно, но не было никакого отчаяния или попытки как-то уклониться от неминуемой встречи: включить свет, разбудить жену. Я вдруг ясно понял и ощутил всем своим существом, что я в этот момент умираю и через мгновение умру. Знание абсолютное. И этот приближающийся рубиновый свет – это *Смерть*.

Такого бесстрастного и абсолютно убедительного знания *смерти* я никогда не испытывал. И это знание не было обычным земным, физическим, – оно было совершенно иным, и это невозможно передать словами. Я мысленно попрощался с жизнью. Помню, у меня промелькнула мысль о том, что плохо, что я не простился с женой, и как она выдержит, когда найдет меня мертвым. В это мгновение свет вдруг исчез и все пропало... Всё то же самое, но я – живой, и ничего нет. Обычная обстановка в спальне. Я лег и заснул.

Не сомневаюсь, что в то время я пережил то, что в тайных посвящениях неопитов называется «ритуальной смертью». Какой-то мой внутренний человек действительно умер, хотя весь остальной продолжил свое существование на земле. И

опять я думаю, что в этот раз ко мне приходил «Он». Почему *Он* не закончил свое дело? – я не знаю. Возможно, я находился под защитой каких-то Высших сил?

В моей жизни было несколько странных случаев, когда я спасался, как мне казалось, чудом. Как будто какие-то невидимые силы подхватывали меня и тем самым отвращали неминуемую гибель. По крайней мере, дважды в жизни я *физически* ощутил эти «руки». Первый раз, – когда последним из команды прыгал ночью – в шторм и под качку из поднятой на тросах раскачивающейся шлюпки – на скользкую металлическую верхнюю палубу судна и чуть не сорвался вниз в штормовое море. Соскальзывая ботинком по наклонной плоскости шлюпочной палубы, я инстинктивно схватился за ногу стоящего ко мне спиной члена экипажа и почувствовал, как резко эта нога напряглась, сопротивляясь моему воздействию. Это меня спасло. И во второй раз, когда ехал на работу на велосипеде и чуть не попал под колеса автомобиля, когда пересекал улицу не по правилам. Фактически оказался прямо под колесами, но, слава Богу, отделался легким испугом и небольшими повреждениями велосипеда.

Но вернемся к мистериям. Из всех мистерий три являются *базовыми* или *стандартными*. Конкретный человек может получить и другие мистерии или «видения», потому что любая мистерия – это «вход» в *иной* мир, но *три* из них являются обязательными для человека, который развивается в правильном направлении. Это – (1) «расширение сердца»,

затем (2) «раскрывшееся над головой Небо» и, наконец, (3) та «мистерия Царства Небесного», о которой Иисус говорит в канонических *Евангелиях*.

И если мистерию «расширения сердца» вообще-то и мистерией настоящей нельзя назвать, – здесь какое-то особое внутреннее чувство, какая-то внутренняя перестройка, отражающаяся, в том числе, и в корректировке моральных принципов, – то «открывшееся над головой Небо» это поистине «Царица всех мистерий». Но она никогда не случится с человеком, у которого до этого не «расширилось сердце».

Возможно, правильнее будет сказать, что если мистерия «расширения сердца» – это некое удивительное «театральное представление», происходящее *внутри* человека, то «раскрывшееся Небо» – это необычайно яркое *внешнее* «представление» во всей своей подлинной *райской* красе. Что такое подлинный Рай, человек может узнать только получив эту мистирию. В обычной земной жизни это неопишемое *великолепие* встретить невозможно. Мистерия «открывшегося Неба» дается только тому человеку, внутреннее духовное состояние которого достигло уровня Рая (таким словом это именуют религии). Это, фактически, констатация самого факта, – так сказать «печать» духовной канцелярии, подтверждающая, что данный индивидуум достиг состояния Рая.

Эта мистерия не является каким-то исключительным событием, которое произошло только с автором настоящей

книги. Наш дореволюционный духовный старец Варсонофий, как написано в его биографии, однажды заболел и был в очень тяжелом состоянии, почти при смерти. В это время с ним произошло событие, изменившее его жизнь кардинальным образом. Ему явилась Пресвятая Богородица, над ним «раскрылось Небо», и он выздоровел. До этого события он служил офицером в армии, имел семью, детей. После происшедшего события, которое перевернуло его жизнь, он подал в отставку и ушел в монастырь.

Тот читатель, который знаком с моей книгой об Эдгаре По, должен помнить, что Пресвятая Богородица поздней христианской Церкви (культ Богородицы появился не ранее IV в. н.э.) – является персонификацией «Духа», фигурирующего в евангельском тексте. То есть это тот обязательный *женский* компонент духовного мира, который исчез в официальном христианстве после того, как *Дух Святой* ошибочно приобрел мужской статус. Все «правильные» монахи христианских монастырей на деле поклоняются *Духу*, а не Христу, и именно по этой причине у них нет, и не может быть жён или любовниц. Христу поклоняется семейный христианин, у которого есть жена.

Другой наш старец – Силуан Афонский, когда монашествовал уже на Афоне, вдруг пережил необычную картину: стены кельи раздвинулись, потолок исчез, раскрылось небо, и он увидел где-то высоко вверху Моисея и сонм ангелов, славящих Бога. Описание не совсем точное, но суть видения

передана правильно, а подробности зависят от конкретных убеждений человека и тех мыслей, которые главенствуют в его голове.

Мистерия «раскрывшегося Неба» отнюдь не является исключительно русским приобретением: она носит общечеловеческий характер, потому что духовная структура человека везде одинакова. Возьмем древнекитайский текст *Дао Дэ цзин*. В *чжэне* 10 читаем: «Небо открывается и закрывается, можешь ли быть, как самка?». Текст удивительно простой, и его невозможно понять как-то иначе, несмотря на появившуюся здесь вроде бы совершенно «не к месту» *самку*. Позже мы поймем, что здесь всё на своих местах. А вот иероглиф «самка» однозначно указывает на то, что речь идет о мужчине, и что эти слова обращены именно к нему. Именно он увидел «раскрывшееся Небо». В шумерских и иудейских текстах выражение «небеса раскрылись» («разверзлись небесные хляби») используется в том случае, когда речь идет о сильном дожде. Об этом однозначно свидетельствует контекст.

И, наконец, самый известный пример «раскрывшегося Неба» – это строки из синоптических *Евангелий*, – эпизод крещения Христа. Отличие в том, и оно принципиальное, что здесь добавлено обращение Отца и схождение Духа Святого. В обычном случае, как это кажется первоначально, – это только мистерия «открывшегося Неба». Возможно, все то, что написали евангелисты об Отце и Духе в этом эпизоде

— это художественный прием, призванный оправдать последующие действия Христа и сделать для читателя наглядной его связь с Отцом и Духом Святым, о чем сам Иисус часто упоминает в своей проповеди. Иисус называет эту мистерию «рождением свыше», а любое *рождение* является следствием соединения мужского и женского начал. Здесь следует отметить, что мистерии разного духовного уровня никогда не сходятся в одно событие.

И все-таки ни одно из известных описаний или упоминаний о мистерии Неба не дает истинного впечатления об этом происшествии в жизни человека. В *Евангелии от Иоанна*, в третьей главе, приводится беседа Иисуса с Никодимом, «одним из начальников иудейских» (Ин. 3:1). Иисус объясняет ему, что человеку «должно родиться *анот^hен* (греческое слово)». И если кто не родится *анот^hен*, тот не увидит Царство Небесное. Никодим спрашивает: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4). В ответ на эти приземленные слова Никодима Иисус, как всякий хороший психолог, старается разговаривать с ним «на его языке»: «Если кто не родится от воды и от Духа, не может войти в Царство Небесное». На «земное» Иисус отвечает «земным». После того, как Никодим не смог понять слов Иисуса, также и Церковь этих слов не поняла.

Об этом свидетельствует тот факт, что греческое слово *анот^hен*, которое всегда означало наречие «сверху», «с вы-

соты», «с неба» (и именно так оно переведено в этом же *Евангелии* несколькими предложениями ниже), приобрело у Церкви еще одно значение – «снова», «в другой раз». Иисус же, пытаясь объяснить это Никодиму, заявляет, что сначала человек рождается от околоплодных вод своей матери, «от воды», то есть действительно «из материнской утробы», вторя тем самым земным рассуждениям Никодима. Можно добавить, что по мандейским представлениям *любая вода* – это «вода Иордана», то есть вода «крещения» или, как это воспринимается на языке подлинника, «вода окунания».

Но затем человеку следует родиться *анот^hен*, «сверху», от Духа Святого. И именно «сверху», а не «снова». Если говорить «снова», то это воспринимается как повторное земное рождение, например, «из той же утробы» или что-то подобное этому. А если «сверху» – как рождение уже совершенно новое. «Рождение сверху» происходит, когда над человеком «раскрывается Небо». И если такого рождения не произойдет, человек «не сможет войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5), то есть он не получит «мистерию Царства». Потому что «мистерия Неба» – это очередная мистерия после «расширения сердца», а «мистерия Царства» следует только после «раскрывшегося Неба». Перескочить от «сердца» к «Царству», минуя «мистирию Неба», невозможно.

Пусть читатель еще раз вспомнит наш разговор о *чакрах*. После сердечной *чакры хридая* раскрывается очередная – *вишудхи чакра* («очистительная»), которая находится

на уровне адамова яблока. В индийской мистике эта *чакра* связана с понятием *акаша* («эфир», «пространство») и характеризуется «распахнутым» или «широко открытым» пространством. То есть опыт «раскрывшегося Неба» был известен и индийцам, причем, очень давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.